

попаданец

ТОПШЕНЕ

Виталий Храмов

ТЕМНЫЕ ТРОПЫ

Виталий Иванович Храмов
Катарсис. Темные тропы
Серия «Катарсис», книга 4
Серия «Попаданец (АСТ)»

*Текст книги предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=63997266
Катарсис. Тёмные тропы: АСТ; Москва; 2021*

Аннотация

Продолжение Катарсиса... Попаданец в Море магии и меча, пережившем апокалипсис. Голод, страх, запустение, средневековые с мечниками и магами. Но кроме них в мире разлита Скверна и бродят её порождения – чудовища, мутанты и ожившие мертвецы. Все против всех. И хорошо было бы, если бы я был бы спецназовцем, мастером фехтования или магом с постоянным доступом к Википедии, но... Возможно, так и есть, но я – случайно помещён в первое попавшееся тело и совсем ничего не помню о себе. Совсем ничего. А передо мной уже стелется дорога через Тьму. Куда ведёт эта тёмная тропа?

Содержание

От автора	4
Пролог	6
Часть первая	19
Глава 1	19
Глава 2	37
Глава 3	50
Глава 4	64
Глава 5	77
Глава 6	91
Глава 7	104
Глава 8	113
Глава 9	122
Конец ознакомительного фрагмента.	127

Виталий Иванович Храмов

Катарсис

Тёмные тропы

От автора

Ввиду того что я не исследователь антропоморфных сообществ, передо мной не стоит задача документальной фиксации особенностей существования иных форм разумной жизни. Я – сказочник. Моя задача – рассказать историю. Именно поэтому всё что можно приводится в переводе. И даже то, что переводить не принято – имена собственные, названия, непередаваемые словосочетания, игра слов. Если буквальный перевод невозможен, я подбираю близкие по смыслу устоявшиеся в русскоговорящей среде аналоги.

Делается это мною осознанно, для облегчения восприятия описываемых событий. С этой же целью словесные фразеологизмы и единицы счисления, в том числе единицы времени и расстояния, веса, объёма и т. п., подогнаны под привычные значения для мыслящих по-русски читателей.

Моя цель – читатель, завернутый в любимый плед на любимом диване с любимым напитком в руке, погружившийся в описываемый мною Мир, а не сидящий с кипящим мозгом за

столом с калькулятором в руках.

Я живу здесь и сейчас, пишу для тех, кто живёт здесь и сейчас, про то, чего нет, возможно – и не будет никогда. Не только для развлечения и отвлечения от опостылевшей обыденности, но и для того, чтобы появилась возможность взглянуть на то, что происходит здесь и сейчас, под другим углом зрения. Отражая Вселенную – в капле воды.

Приятного чтения!

Ах да, чуть не забыл! Это – фантастика. Сказка. Любые совпадения с реально существующими людьми, объектами или субъектами – даже не совпадения, а навязчивые идеи и нездоровые мысли тех, кто совпадения эти углядел... И притянул сову за уши на глобус...

Вот теперь приятного чтения!

Пролог

Эта история, как и любая другая, началась с ошибки. А точнее – с целой серии трагических ошибок и их последствий, вызывающих новые ошибки, новые последствия. И так – лавинообразно. Последствия ошибок вызывали цепь событий, новые ошибки, новые события. И всё это настолько густо и плотно переплелось между собой, что на данный момент совершенно невозможно установить изначальную ошибку и назначить виновника всех катастрофических последствий этой ошибки.

Можно лишь умозрительно и примерно установить, что началось всё в маленьком владении властителя Светогора, на тот момент называемого также Медной Горой, а сейчас именуемого – Медным Властителем. С чего всё началось – никто не ответит. Может быть, с появления Северной Башни, может быть, с того, что жена Светогора решила «гульнуть» от мужа, да по трагической случайности затащила в свою постель именно этого Чужака, польстившись на его статью и загадочность, экзотичность. А может быть, всё началось с извращённой мести Медной Горы, что хотел проучить свою супругу, да и Чужака заодно. Но позже – передумал, изменил свои решения, планы и прогнозы. И это тоже было ошибкой.

Но ошибки, как известно, вызывают последствия, на этих последствиях основываются новые события, вызывающие

новые ошибки и их последствия. Последствия – порой чудовищные.

На земли Медной Горы пришла Священная война. Сам Светогор пал на поле брани, рядом с ним лег цвет знати Запада – сложили голову лучшие мужи не только земли Медного Властителя, но и всего Западного Порубежья. Так они заплатили за свою ошибку, решив поддержать Светогора в его мятеже против Церкви Триединого, решив, что встать под знамя Медного Владыки – дело чести для Запада.

Горестный вой и плач вдов и сирот разлились по Западному Порубежью. Земли опустели. Хозяйства разорялись без присмотра мужей, сложивших свои головы в неравном бою с паладинами Ордена Триединого и ополчения Святого Собора. Всякая жизнь замерла. Казалось, светило зашло и больше не встает над западными землями. Настолько бедственное положение наступило в мятежных ленах, что свет в глазах людей померк.

Некому стало сохранять покой и порядок на дорогах, в городах и поселениях, некому стало истреблять бродяг и тварей. Урожаи гибли в полях и садах. Некому было его собрать, некому защитить урожай от вытаптывания и разграбления. Закрывались лавки купцов – некому и не на что было покупать их товары. Закрывались таверны и постоялые дворы – некому было в них обедать и останавливаться на ночлег. Дороги стали совсем непроходимыми, полными бродяг, тварей и лихих людей, что часто были опаснее нежити и тварей.

Не стало жизни на Западе. Было только беспросветное выживание, без какого-либо проблеска надежды на лучшее.

Но кому-то и этого показалось мало. Показалось мало, что земли обезлюдели. Мало, что хозяйственная жизнь скукожилась. Кому-то показалось мало бед на дом Медной Горы, лишившийся властителя. Кому-то показалось, что вдова Светогора испытала мало горя, что у неё слишком мало забот и проблем, но слишком много потенциальных возможностей. Кому-то показалось, что влияние Лилии Медной Вдовы – чрезмерное. И за это она должна была заплатить.

И – да!.. Если смотреть на Запад издалека, через полстраны, да и то – глядя на карту и веря глупым сказкам и слухам – так и есть. Потому что на картах все мятежные западные земли были окрашены одним оттенком одного тона краски. И над всем этим – вдова Медного Властителя, про которого пели сказки бродячие сказители.

Да и на самом деле – после гибели двух князей дома Волка обездоленные Смотрители со всего Западного Порубежья поклонились Медной Вдове, потому что дом Гороха вымер в полном составе от неизвестной болезни.

Но это извне выглядело именно так. Слухи, что старая волчица прибрала власть в ничейных землях в свою пасть, ещё не разошлись. Не было известно и то, что вдове Медного Владыки – не до властных притязаний, удержать бы от гибели то, что уже было.

А из самого Западного Порубежья выглядело всё совсем

иначе. И выглядело всё это – беспросветно. Особенно в глазах самой Лилии Медногорской.

Ни людей, ни денег, ни силы – ничего не было. Стены города обходятся только ночами. Днём – только стража на воротах. Казна – пуста. Казначейство – закрыто на засов и под замком, налоги собирать не с кого – все бедствуют. Сами счетоводы – вместе с оставшимися мужиками и бабами – на полях и в садах. Пытаются спасти хоть что-то, чтобы эта зима не стала последней для Западного Порубежья.

Замок Медной Горы опустел. Ветер хлопал дверями и ставнями, гонял по залам и коридорам мусор. Все – днём и ночью – были на полях, возглавляемые самой властительницей, которая часто, от отчаяния, сама хваталась за снопы хлеба, не справляясь с организаторской работой, не имея ни опыта управления, ни тяги к власти. В замке оставались только старики, по дряхлости своей уже не покидающие двор. Но и они – все по своим закуткам, возились со своими посильными заботами, в меру своих сил и возможностей. Но со всем усердием, чтобы быть полезными, не быть нахлебниками и дармоедами, чтобы не быть изгнанными со двора в столь тяжёлую годину.

Именно поэтому убийцы, никем не замеченные, пробрались до самого детинца. И лишь в дверях покоев самого младшего потомка Медной Горы, младенца, они встретили отпор двух пожилых стражей, не способных даже на жатву, не то что на ратный труд. Поэтому убийцы заплатили за жиз-

ни двух стражей только одну жизнь, да и ту – от удара магией Посмертия.

На срабатывание амулета Посмертия, на грохот магической молнии стражи детинца подняли тревогу во владениях Медной Горы. И к покоям младенца бежали все, кто мог, как мог. С тем, что было в руках.

В самой горнице ребёнка были его пожилая нянька, взрастившая всех детей Светогора, и его кормилица, грудью, полной молока, бросившаяся под отравленный, зачарованный нож убийцы.

И была еще девочка-подросток, дочь Светогора, одарённая, как и все дети Медной Горы, – магией Огня. Она только-только закончила школу и этой осенью мечтала уехать к старшим братьям и сестре – поступать в университет. Девчушка пришла посюсюкаться с младенцем, хотя и не очень любила младшего брата, единственного из всего выводка Лилии – не красноволосого. Но девочка не любила крестьянский труд – ещё больше. Она часто прибегала к этому способу отлынивания от полевых работ.

Вот и сейчас она стояла у окна, мечтательно смотря на светило, мысленно витая в своих грёзах о столице, с её насыщенной, манящей жизнью, когда почувствовала применение посмертной магии. Шар Огня девочки сжёг лицо одного пришедшего убийцы прямо в дверях, но отравленный клинок другого – вскрыл горло юной волшебницы. И сам убийца огнегровой волшебницы погиб от мощного удара амулета

Посмертия.

Нянька мёртвой хваткой уже мёртвых пальцев вцепилась в руку своего убийцы, сжимавшую нож. И ещё один убийца поднял клинок, чтобы нанести удар по младенцу. Но дитя закрыла собой кормилица. Длинный клинок пронзил её насквозь и вошёл в тельце маленького белоголового мальчика, пробивая его животик и перебивая позвонок.

В это время в выбитые двери влетел единственный выживший маг дома Медной Горы, однорукий Водяной, так полностью и не оправившийся от полученных ран, с ходу пронзил одного убийцу Копьём Воды, отшвыривая Водяным Молотом другого, защищённого амулетом Щита Воздуха, – в угол. И до того как Водяной применил ещё раз своё Копьё Воды, убийца, уже не имеющий защиты, юркнул вдоль стены, ныряя в окно. И... сломал себе ноги об мостовую площади – окна детинца были очень высокими.

На искалеченного убийцу тут же накнулись старики двора дома Медной Горы. Они били его мётлами, сковородами, скалками, батогами, деревянными вилами и лопатами. От ужаса, отчаяния и злости древние медногорцы сначала забили лиходея насмерть, а потом и превратили его в кусок мясной отбивной, буквально втоптав тело в булыжники площади.

А в это время наверху, в залитой кровью, горящей детской горнице маг Воды дома Медной Горы пытался спасти хоть что-то, хоть кого-то. Он разом тушил пожар, склеивал

вскрытые артерии и горло красноволосой волшебнице, не желая верить, что жизнь уже ушла из этого тела, игнорируя срабатывание её амулета Посмертия. Пытался спасти верную слугу дома – кормилицу, опять же – не веря, что раны, кровопотеря, яд и проклятие были сильнее его магии.

Но он спас жизнь младенцу. Как смог. Он исправил все повреждения в теле мальчика, кроме перебитого позвонка и повреждённого спинного мозга. И не заметил тонкого проклятия от зачарованного, отравленного ядом и магией клинка. На подобное лечение умений мага просто не хватило.

Влетевшая в детинец, отчаявшаяся, почти обезумевшая от горя, почерневшая Лилия упала на колени перед телами павших и завывала настолько дико и страшно, что следом за ней взвыли и все люди владений Медной Горы.

Последние проблески света покинули глаза и сознание женщины. Разум покинул несчастную вдову. Она погрузилась в такое беспросветное отчаяние, что не видела ничего вокруг. Не реагировала на людей, на смену дня и ночи, не признавала лиц родных и близких, не только не ощущала вкуса пищи и напитков, но и не испытывала ни голода, ни жажды. Если бы не дворня, она бы просто умерла от тоски и голода.

Из беспросветной пучины властительницу вывел старший сын Лилии и Светогора. И, как ни странно, вывел из ступора звоном кошель с золотом о стол.

Зная о бедственном положении своего дома, властителем

которого юноша неожиданно для себя, но по праву стал, парень не поспешил принять дом во владение, прислушавшись к мнению друзей и самой матери, ставшей властительницей-опекуном, решив доучиться. Но всей глубиной души чувствуя, как сейчас нелегко *его* людям, решил подзаработать, пойдя по стезе наёмничества, воспользовавшись сумятицей в университете.

Этот кошель золота дал дому Медной Горы проблеск надежды. С началом войны медноделательное производство – основа пополнения казны Светогора – просто встало. Никому не нужна была медь. А тут вдруг парень продал не только уже готовую медь, а даже всю добытую руду, даже не обогащённую.

А потом в жизнь Лилии опять ворвался этот высокорослый Чужак. Нет, сам он даже на глаза ей побоялся показаться. Но свершил нечто иное, легендарное, увековечив её суженого, сделав Светогора легендарным, потому – бессмертным. Сделав Светогора Медным Властителем. И эффект от этого свершения загадочных стариков Красной Звезды стал распространяться, как круги по воде от упавшего камня.

Сначала встряхнулись и взбодрились люди дома Медной Горы, свершение заставило их распрямить спины, развернуть плечи, поднять головы и вспомнить, что даже за самой тёмной ночью неизбежно приходит рассвет нового дня.

А потом пришли вести, что Красная Звезда уничтожила

каких-то демонов в подземельях Зелёной Башни. Вслед за этим округу Зелёной Башни всю облазили Чистильщики, на-чисто разогнав Скверну.

А потом в доме Лилии появился *сам* (!) Великий Инквизитор, завершив этим вражду Западного Порубежья и Престола Триединого. Он вручил вдове документ о пожизненном признании за ней права опекуна над властителем, от лица Церкви подтверждая права дома Медной Горы на все их владения, выдал именные грамоты на обучение всех её детей, в том числе и на имя погибшей юной волшебницы (инквизиция не знала о трагедии дома Медной Горы), а также приглашение на приём к Живчику, в котором Инквизитор своей рукой дописал имя искалеченного младенца.

В чём же здесь ошибка? В том, что Великий Инквизитор поспешил. И записал имя ребёнка со слов челяди находящейся на грани помешательства вдовы Медной Горы, а не осмотрел младенца лично, поспешив телепортироваться в Некрополис.

Круги по воде продолжали расходиться. Самочувствие Лилии Медногорской стало выправляться прямо пропорционально выправлению хозяйственной деятельности дома Медной Горы.

Преклонить колени перед Медным Властителем шли сотни паломников. Через одного – широкоплечие, с покатыми загривками, бронно, всеоружно. По пути – выметая сор с дорог и поселений земель дома Медной Горы. Это побудило

держателей гостевых заведений открыть свои двери и ставни гостевых домов и таверн, отскоблить столы и котлы, вымыть полы и морды подающих, подносных девок. Вслед за паломниками пошли и торговые караваны, этими широкоплечими паломниками и сопровождаемые. С казначейства был сбит заржавевший от ливней замок, монета зазвенела в казне Медногорска, пусть и не давая золотого блеска, но даже медными и серебряными потоками смазывая шестерни хозяйственной жизни дома Медной Горы.

И появилась надежда, что чёрная полоса закончилась. Или хотя бы закончится скоро. И это опять была ошибка. Больше чем ошибка. Это было заблуждение. Обнадёживающее заблуждение. Потому как малыш стал чахнуть. Да, яд и проклятие с клинка убийцы перешли на кормилицу, но возможно – не всё. Малыш был малоподвижен, слаб, болезнен, вечно сонлив. И если его парализованные ноги можно было объяснить и списать на перебитый позвоночник, то безжизненность сына, его апатичность просто убивала Лилию Медногорскую. И она – спешила. И – поспешила.

Будучи женщиной неглупой, прагматичной, понимая, что собственная безопасность – понятие не эфемерное, тем более – помня свежие уроки, она озаботилась собственной охраной. Насколько смогла. Совершая ошибку, пусть и вынужденную. Но оголить стражу дома властительница тоже не могла, тем более – накануне посевных работ. Потому она взяла с собой дружину хоть и малую, но – отборную. При-

хватив внебрачного отпрыска своего мужа – рыжую девочку из Медвила, которая будет учиться в университете под именем погибшей дочери Лилии, по её именной грамоте.

И взяв с собой сундучок золота, что осталось от того тугого кошелья, что привёз сын, Лилия Медногорская решила, что в землях её знаменосцев и союзников ей почти ничего не угрожает – легендарная слава её мужа надёжно (и без оплаты) её защитит, а потом она донаймёт воинов. Но не учла, что в Море бушуют войны. Много и везде. Потому наёмники как-то подзакончились. А вот всякой разной швали человеческой, наоборот, повылезало отовсюду сверх всякой меры.

Надо ли удивляться, что вместо добропорядочных и честных наёмников она наняла лихих разбойников? Надо ли удивляться, что большая часть банды этих разбойников как раз и засела в засаду на пути горемычной вдовы?

Но подобная концентрация бед и ошибок, последствий этих бед и ошибок на единицу площади и единицу голов персонажей, участвующих в этом бардаке, уже превысила не только всякие разумные, но и всякие запредельные рамки и границы. И это обратило на себя внимание не только сильных мира сего (старики-разрывники, Император, Живчик, Ректор, Великий Инквизитор, Престолюбюститель Триедино), но и сверхъестественных сущностей, именуемых в Море – Богами. И кое-кто из них пошёл на нарушение установленных правил бытия и вмешался в ход событий.

Тем более что существующий, катастрофичный для дома

Медной Горы, ход событий ломал многие линии вероятностей. Линии судеб людей, с таким трудом этими сущностями культивируемые, с такими сложностями и с такими усилиями – сводимые нити вероятностей, из которых Боги и плетут ткань реальности Мира.

Но, согласно тому же правилу бытия, воздействие не может быть прямым, Божественным. Воздействие на линии вероятностей должно быть проведено руками самих людей. Их силой и волей. А Божественное воздействие должно быть только точечным, непрямым, невидимым и – нематериальным. Иначе – перманентный бан и переход всех подконтрольных питательных энергопотоков – к другой сущности. Соответственно – смерть сущности. Даже Божественной. Без питания никто не живёт. Это правило бытия. Единое даже для Богов.

Вот поэтому одной из этих сущностей, имя которой мы не будем поминать всуе, тем более что сами люди Мира называли эту сущность кто во что горазд, именно этой сущностью, крайне заинтересованной происходящими событиями, и была проведена такая точечная акция – была схвачена заблудшая душа, оказавшаяся близко от сущности и места разворачивающихся событий, но застрявшая в Небытии, заблудившаяся в своих заблуждениях и чаяниях, в своих страхах и сожалениях, настрадавшаяся и отчаявшаяся, потому не попавшая ни туда, куда ей было велено попасть Предназначением, ни в Круг Перерождений, куда обязана попадать вся-

кая душа. Вот эта заблудшая душа и была помещена в первое попавшееся тело, всё достоинство которого, тела этого, заключалось в том, что оно оказалось в этот момент в нужном месте, в нужное время и в нужном состоянии, – как раз тело это освободилось от собственной души.

Но обо всём по порядку. Итак...

Часть первая

Рука смерти

Режим сложности – Хардкор

Глава 1

– Едут! – крикнул мальчишка, посланный смотреть за дорогой, спрыгивая с коня и жадно припадая к бурдюку с пованивающей уже водой.

– Живодёр! – крикнул Одноглазый. – Заканчивай!

Но человекоподобная скотина, метко прозванная Живодёром, не услышал главаря разбойников, продолжая пытаться этого слабоумного выродка, что прибил к ним в последнем городке.

В каждом человеческом поселении есть свой подобный уродец. Часто – не один. Только сама жизнь жестокостью своей неотвратимой реальностью регулирует их численность. Выродки живут недолго. Если не умирают от голода – неспособные к скоординированным коллективным действиям, то есть к труду, то от руки другого человека, который решит положить конец мучениям этого «бракованного» человека. В основном это руки отца, реже – матери, решивших, что бесполезного уродца им «не вытащить». А чаще – от несчаст-

ных случаев, от холодных рук нежити или клыков тварей.

Но этот слабоумный урод вымахал до роста половозрелого человека. И был бы им, если бы не улыбался вечно и блаженно, если бы не его безумный взгляд и текущая по спутанной бороде слюна. Вот этот безумец и прибил к их банде, прикормленный Живодёром, теперь впавшим в экстаз от издевательств и пыток над беззащитным уродом. Над слабоумным генетически больным человеком, кричащим, захлёбывающимся от боли и в собственной крови, но так и не понявшим, за что с ним так жестоко обошлись эти люди? Ошибаясь, называя этих тварей – людьми. Вот уж кто реально выродки!

Видя, что до Живодёра не докричатся, главарь разбойников кинул топор, чтобы привлечь внимание впавшего в транс садиста. Ну и кто тут слабоумный? Топор прошёл рядом со щитом Живодёра, закреплённым за спиной, ударил в голову жертве пыток, сразу оборвав его крики. Дурачок обмяк совершенно безжизненным куском кровоточащего мяса.

Одноглазый пожал плечами, махнул рукой.

– Пошли! И мы покуражимся! Люблю чистеньких и богатеньких сучек! – Главарь даже зажмурился: – Они такие... – Одноглазый покрутил в воздухе кистями рук, затрудняясь подобрать нужное ему слово, выражающее всю полноту его приземленных чувств, наконец, у него нашлось слово: – Такие мягкие!

Но всем вокруг было глубоко плевать на слова Одногла-

зого. «Лихие люди» угрюмо шли к дороге, сжимая в руках орудия своего «нелёгкого труда». Потому что, в отличие от Одноглазого, они помнили, что «чистенькие и богатенькие», «мягкие» очень часто сопровождаются довольно твёрдыми и жёсткими стражами, не всегда чистыми, но всегда – умелыми рубаками. И одолеть их можно только кучей, разя в спину, пока страж убивает того, кому не повезло оказаться прямо перед его лицом. Потому – кто сегодня будет пробовать «мягкую», а кто остынет навсегда – вопрос весьма неспральный. Это Одноглазый, как всегда, за спинами остальных будет орать и верещать. А вот лезть под топоры охраны «богатенькой» как раз им предстоит.

Согласно оговоренному плану, «наёмники» ударили людей Лилии Красногорской в уговоренном месте. Ударили – самострелами. Метя в сотника стражи Медногорска, возглавлявшего отряд, и в мага. Сотник умер сразу, несмотря на тяжёлую кольчугу и шлем, – с такого расстояния стрелы пробили всё. И – насквозь. Утыканный стрелами, как ёж иголками, Водяной всё же успел свалить заклинанием одного подлеца, покалечив ещё одного – оторвав ему плечо с рукой своим Копьём Воды. Но всё это померкло после срабатывания мощного амулета Посмертия. Ветвистые молнии с грохотом перекинулись с тела умирающего мага на руки его убийц, сжигая, убивая всех, кто стрелял в спину мага, этим почти выкосив предателей.

– Госпожа, – крикнул Чёрствый, десятник стражи, пере-

кидывая щит на руку и выдёргивая копьё из тела предателя, – спасайтесь! Мы их удержим!

Стража Лилии яростно сражалась с предателями, оглядываясь на толпу бегущих разбойников. Возчик пытался вернуть повозку, обе девки-прислужницы и нянька визжали, сжавшись, закрываясь от разбойников подолами юбок, как от ветра.

Лилия Медногорская выбила ногой дверь повозки, одной рукой хватая и выталкивая из повозки дочку медновильского кузнеца (Лилия так и не запомнила ни имени девочки, ни имени её отца), второй рукой – суя свёрток с сыном в руки девочки. Властительница, сверкая полубезумными глазами, крикнула в лицо девочке:

– Бежим!

Лишь семь стражей ещё сражались, когда их захлестнула волна голодранцев с большой дороги. И стражи рухнули. Их кони были убиты, сами они завалены телами, надёжно спутаны руками разбойников.

Возница успел только один раз взмахнуть своим топором, вонзая его в ключицу разбойника, как и его захлестнула волна лиходеев. Ему оторвали ухо, проткнули живот ржавым тесаком, выдавили глаза корявыми грязными пальцами, сломали кадык, вдавливая его в горло, выломали пальцы, сжимающие топор.

Лилия этого не видела. Она бежала со всей скоростью, на какую была способна. Но, оглянувшись, поняла, что убежать

не получится. Её горло перехватил мороз дыхательного спазма, глаза защипало.

– Беги, девочка! – выдавила Лилия срывающимся голосом, опять вручая девочке своего сына. – Беги! Найди моих... Беги!

Девочка зажмурилась, всхлипнула, но – побежала. Легко, как ветер. Молодость!

А сама властительница Медногорска развернулась к разбойникам, сорвала с головы платок, утерев им с лица пот и чужую кровь, осушая руки. Как учил её Светогор. Она достала оба своих кинжала, встала в боевую стойку. И усмехнулась, подумав, что сегодня её ждёт порка её любимым Огненным Демоном. Там, в лучшем из миров, где медноволосый здоровяк давно уже ждёт её, свою суженую.

Разбойники не ожидали, что дамочка в юбках окажется столь искусна в ножевом бою. Первый рухнул с перерезанным горлом, второй визжал, схватившись за рассечённое лицо, третий – держал левой рукой правую, рассечённую до кости.

Бандиты обступили женщину, не решаясь приблизиться, но и глаз с неё не спуская. Лилия крутилась, быстро перемещаясь приставными шагами, невидимыми под юбками. От её выпадов круг разбойников сильно раздавался, но тут же смыкался, как болотная жижа после падения камня.

Раздвинув своих приспешников, вперёд вышел ухмыляющийся Одноглазый.

– Сладкая моя! – сказал он Лилии, поигрывая своим изогнутым мечом. – Так мне даже больше нравится!

Он атаковал. Лилия парировала удар, но Одноглазый, ловко крутнувшись, подсёк её запястье левой руки самым кончиком своего меча. Нож выпал из сразу обессилевшей руки женщины. Лилия намотала на запястье полу своего плаща, решив, что это достаточная замена наручу. Но спустя несколько мгновений Одноглазый разубедил её в этом, прорубив эту руку до самой кости.

Поняв, что вожак играет с дерзкой женщиной, разбойники закричали, заулюлюкали.

Одноглазый и в самом деле играл с Лилией, как кот с мышкой. Не спеша её обезвреживать, даже – разоружать. Он легко избегал её атак, рассекая её одежды контратаками, самым кончиком своего меча распуская её платье на полосы, мечом раздевая женщину, под довольные крики разбойничьей шайки.

Сверкали в прорехах одежды белые ягодицы женщины, мелькали полные бёдра, уже болтались большие белые груди с большими бордовыми ореолами, распаляя бандитов. Лилия, закусив от боли и отчаяния губу, старалась достать обидчика, но лишь получала новое унижение и новую боль от рассечений, которые оставлял кончик меча Одноглазого на теле женщины.

Наконец, вожаку разбойников надоело. Он подсёк женщине и правую руку, обезоруживая её. Следующим взмахом ме-

ча он ещё раз рассёк её юбки – от подола до пояса, ногой сбив женщину на землю, отбросил меч, рванул свой пояс, крича:
– Держите эту тёлочку!

Влажно блестя похотливыми глазами, разбойники бросились вперёд, наваливаясь на Лилию, распиная, растягивая её на корке Пустоши, покрытой её же кровью.

– Спасите! – в отчаянии взывала вдова Медной Горы. Слезы душили её. Она со всей отчётливостью поняла, что ей предстояла пытка и унижение, много более страшные, чем смерть. – Кто-нибудь! Хоть кто-то!

Но её крики лишь распаляли пыхтящего Одноглазого и его приспешников, плотно стоящих вокруг, трясущихся от вожделения и похоти. Часть из них не выдержала, и многие побежали обратно – насиловать ещё теплые и дрыгающиеся в агонии тела зарубленных сгоряча девок Лилии Медногорской и ещё живую нянечку её сына-калеки.

– Светогор! Спаси! – Женщина уже не кричала, а выла. – Андр! Спаси! Богами молю! Хоть сына своего спаси! Боги! Помогите! Спасите! О, боги! За что?!!

Не скажу, что это было легко, но я открыл глаза. И увидел небо. Не знаю почему, но сразу почувствовал, что небо это чужое. Чуждое.

Тела я не чувствовал. Всё тело было как одна отсиженная нога. Как и где я так накидался вчера? И с кем? Хоть убей – не помню.

С ощущением враждебного присутствия пришло и какое-то особое, но как-то смутно знакомое, почему-то привычное состояние бытия. Боевое. И мысли побежали, неспешно, плохенько, но побежали, по больной голове – в другом направлении. В привычном направлении. В поисках пути выживания. В поисках способов убийства тех, кто угрожает моему выживанию.

Человек, однозначно воспринимаемый врагом, стоял ко мне спиной, одетый в весьма странную одежду, вглядываясь куда-то вдаль, вжикая металлом по камню. Этот звук мне был хорошо знаком. А под ногами этого человека разложен целый набор ножей всех видов и размеров, другие инструменты. Врач? Лекарь?

Но потом в «отсиженную ногу», то есть в тело вернулась нестерпимая боль. Оказалось, что сдерживать, терпеть боль я умею. Никак я не выдал себя этой жгучей и нестерпимой волной обжигающей и шпарящей боли. Но посмотрел на свои руки. Потом – на ноги, схватился за причинное место. И с ненавистью понял, что урод передо мной – антипод врача. Палач.

Ведя руку, на которой не хватало пальцев, от паха – обратно, наткнулся на пояс на что-то, от чего в голове вспыхнуло: «Как надену португею – всё тупею и тупею!» Этот предмет был мне знаком. И ещё я знал, что вот тут должно быть... Не знаю – что. Тем более что этого – не было. А вот на спине было. Предмет был мне не знаком, но разом – и привы-

чен. Почему я это назвал «дежавю»? Что это – «дежавю»? Не важно!

Важно, что в руке моей был предмет, который я опознал как оружие. И называлось это оружие «штык». Разом – удивляющий, незнакомый и – привычный. Полоса заточенного металла, удобная ручка с кольцом. Рука одновременно и не знала, что делать с ним, но и одновременно – делала привычные движения.

Что-то почувствовавший палач повернулся. Глаза его округлились на удивлённом лице. Привычным, но не получившимся из-за «деревянного» тела движением убивая его. Кровь из горла хлещет, как из крана. Не знаю, что это – «кран», но кровь бьёт именно так – как из крана.

Не знаю также, что на меня нашло? Почему я поступил именно так? Но я припал к этому «крану». И стал, захлёбываясь, глотать эту горячую терпкую вязкую жижу с железным привкусом. В глазах – вспышки, искры, пятна. В них – какие-то смутные картинки.

И вдруг – всё пропало. Перед лицом летит серый пепел. Палача – нет. Куда он делся? Недолго я думал над исчезновением этого больного садиста, нелюдя (вдруг для себя я понял, что об этом маньяке знаю больше, чем о самом себе). Не долго – потому что сразу череда событий заставила думать о себе, а не об исчезновении палача.

Во-первых, мне стало очень плохо. Меня стало ломать и корёжить.

«Отпусти его! – прозвучало в моей голове. – Тебе не нужна такая чёрная душа!»

Не понял, кто это сказал, не понял – что сказал, не понял – что надо делать... Я лишь открыл рот, из которого вырвался клуб белёсо-сизого дыма, как после сильной затяжки... чего, интересно? Не интересно. Дым этот соткался на долю мгновения в образ палача. Образ этот поднял голову, взглянув вверх, и – растаял.

«Не нужны они мне! – подумал я. – Пусть валят!»

И тут же – забыл обо всём этом. Потому как та горячая волна, что прокатилась по моему телу, заставив его биться, ритмично, как метроном, грохоча сердцем, вызвала обильное кровотечение сразу из всех ран на этом чужом мне теле, в которое я был заключён, как пожизненный узник в одиночную камеру.

И словно этого мало, на меня рухнул... Мир. Всеми ощущениями. Звуками, тактильными, болевыми, запахами, собственной вонью, цветом и красками, ощущениями пространства, жизни.

Я бы упал. И переждал бы эту бурю во мне, но ведь вместе со звуком пришло и понимание, что рядом идёт бой и кто-то дико, отчаянно кричит, прося помощи, спасения.

Потому каким-то автоматом (что это – «автомат»? – не знаю) готовлюсь к бою. Осматриваю себя. М-да! Хотел бы сказать, что бывало и хуже. Но – не бывало. Ладно, что уж теперь?! Ищу оружие. Штык на место – короток. Топор –

самое длинное, что имелось.

Пытаюсь идти. Сильно припадаю налево. У меня ещё и одна нога короче другой! И не сгибается полностью. А правая рука не разгибается. Повезло, однозначно!

Выбираюсь на гребень. Вижу, что несколько «дружков» палача гоняют рыжеволосую девочку. Да и хрен бы с ней, но на руках у девочки свёрток, в котором только полный дубина не признает ребёнка. А вот это уже – за гранью моего понимания. И моего равнодушия. Иду. В атаку.

Ну как иду в атаку? Ковыляю.

– Бродяга! – кричит один отморозок, разворачиваясь на меня с какой-то радостью, – бежит навстречу, сразу забыв о рыжей.

Бродяга я, бродяга! Ковыляю кое-как. Как настоящий бродяга. Откуда? Куда? Не знаю. Не важно же!

Не знаю – почему, но я знал, что именно он собрался делать, как бить, как замахиваться, куда целиться. Если бы не деревянное тело, скованное, как стянутое жгутами, было бы проще. Но и так – увернулся, подрубил ему ногу своим топором, ещё один замах топора – голова его лопается.

Не знаю – почему, но на меня опять нашло. Не смог сам себя удержать – припал к сводящей с ума крови.

Как раскалённая, расплавленная сталь под высоковольтным напряжением, она потекла по пищеводу. Стало нестерпимо ярко, меня разрывало изнутри, распирало.

И так же быстро, как и в прошлый раз, всё закончилось

летающим перед лицом пеплом сигаретным. И дым сигаретный – изо рта, сложился на долю мгновения в образ убитого мною, развеялся.

Я встал, посмотрел на застывших «друзжков» этого мерзопакостника. Шагнул к ним. И они – побежали. Кто куда! Но – врассыпную. Чтобы я гарантированно смог догнать только одного, если побегу преследовать. Вроде испугались, но мозги не отказали. Будем посмотреть!

А вот девочка металась в отчаянии. И даже пыталась из огня сплести что-то. Но у неё не получалось. Энергия просто истекала из неё – в никуда. Слишком она испугана и растеряна.

Я хотел ей сказать: «Не бойся меня!», но получилось: «О-о-а-о-а!»

Да, с речевым аппаратом мне тоже «повезло». Прямо сплошная пруха!

Но из девочки будто позвоночник вынули. Ноги её ослабели, она села прямо на попу, прижала к себе почему-то молчащий свёрток, слёзы брызнули из глаз рыжеволосого ребёнка, как под давлением.

– Я и не боюсь тебя! – разобрал я в том потоке рыдания, что бил девочку.

Она всё пыталась дрожащими руками, головой, подбородком, острыми плечами указать мне туда, за россыпь валунов, где кучковались эти беспредельщики. Вот это слова из меня вылетают!

Да понял я уже всё, девочка! Не бойся – я уже тут! А где мы – там победа! Не дрейфь!

Ковыляю к камням. Девочка вскочила, пометалась с ребёнком, прижимаемым к груди, – ко мне, от меня, потом посеменила следом за мной. Определилась.

Понравился я ей, видимо. Ещё бы! Такой красавец! Хромой, скрюченный, с разбитой головой, с колтуном грязных волос, со спутанным окровавленным комком бороды, по которой бесконтрольно – с моей стороны – течёт слюна и кровь, с носом – набок, с через один – расколотыми зубами, богато одетый – в португую, весь обтянутый прекрасной кожей, прекрасным пособием по кожным заболеваниям для учащихся медучилищ, богато шрамированной шкурой, да и просто – рваной, с чувственными музыкальными пальцами, через один – укороченными, да и те несли следы переломов. Мечта юной волшебницы!

А как я-то рад! Как я рад! Просто не передать словами! Тем более что слова эти не передаются просто. Язык у меня укорочен. Для большей коммуникабельности, однозначно!

Может, мне тоже поплакать над судьбой-злодейкой? Ага! Это же всё изменит. Слезы и меня превратят в прекрасного принца и так пронзительно, страшно кричащую женщину спасут.

Злоба закипает во мне. Злоба гонит меня на бой. А увиденное просто бросило меня в дикое бешенство!

Открылась мне картина попавшего в засаду каравана, по-

чему-то – привычная. Очень привычная. Поперёк дороги стоит транспорт, тяговая сила – неуправляема. Водила – свесился с кабины управления, рота охраны... Видимо, та куца-мала и есть – добываемые бойцы прикрытия. Гражданские... Три женщины. Их насилуют. Ещё бой не закончен, а уже. Скоты. Две уже мертвы. Я почему-то отчётливо знаю, что они мертвы. Третья... Вижу, как от неё отлетает то облачко, что я видел накануне, тем остановив испускание звуков телом этой бедолаги, обессиленных, хриплых криков и стонов. Облачко это так же соткалось в образ. Но не развеялось, а стремительно унеслось куда-то. Судя по ране и количеству крови – женщину убили, пронзив насквозь живот. И насиловали – в её агонии. Продолжая насиловать уже бездыханные тела этих несчастных.

А поодаль, левее от меня – ещё толпа. Ещё одна гражданская. Тоже – насилуемая. Она жива. Я же чётко вижу – кто жив, а кто уже нет.

Всё это я рассматривал, пока думал, куда идти – умирать. И кого – убивать. Просто процесс этот – думания, мышления – оказался весьма сложным. Просто невыносимо трудным. Потому и завис я, крутя башней.

В конце концов, я решил, что мёртвым не помочь, а бойцы? Ну, такова наша судьба, боевая – пасть в бою. А вот та, что отчаянно кричит, ещё полна жизненной силы. И сила эта из неё не хлещет, как из пробоины, значит, серьёзной угрозы для её жизни нет. Пока... Потому я и поковылял именно к

этой куче отморозков. Спасать надо то, что можно спасти.

Но они были не только отбитыми отморозками, а еще и полными раздолбаями. На меня, такого красивого, непри-
метного, незаметного, – никакой реакции! Долбодятлы!

Замахиваюсь со всей злобы, со всей яростью – бью. Узкое
лезвие топора легко распластывает плоть и кости, но застре-
вает.

– Бродяга! – кричат вокруг.

Второй раз меня так называют. Может, они знают ме-
ня? Может, это мой позывной? Или – погоняло? «Бродяга»?
А что? Нормально. Можно прямо на лобовуху наклеить –
«Бродяга».

Вырываю топор, отклоняю его рукоятью от себя копьё, без
замаха бью обухом в лицо отморозка-копейщика – хватило –
отлетел, свернулся, выпал из боя. Отмахнулся ещё от одного,
подсёк ногу третьему, но не попал лезвием по ноге, просто
сбил с ног. Отморозки расступаются. Мне не хватает оборо-
тистости, деревянному, закостенелому телу не хватает лов-
кости – достать кого-либо из них.

Ко мне выходит одноглазый урод с мерзкой ухмылочкой,
затягивающий на себе пояс. Ему подали длинную полосу за-
точенного и чуть изогнутого металла. Сабля? Шашка? Быва-
ет! Всяк загоняется по-своему.

Одноглазый, судя по биению силы в нём, вокруг него, –
главарь этой шайки-лейки. Хорошо. Обычно в таких шайках
главарь – основа всего. Хорошо, что сам вышел. Подставил

под меня критическую точку вашей организации. Не знаю, почему, но уверен, что именно это – мой профиль, вынос как раз командных центров.

Меж тем одноглазый решил поразить меня казачьими ухватами. Но – не впечатлил! Тебе до характерников как до Китая раком. Как мне – до нормального человека. Но смотрю внимательно – как он крутит эту полосу металла. Смотрю не в глаза. В центр его корпуса, в точку, которую очень хочется назвать солнечным сплетением. Хочется назвать, но – не может. Смотрю расфокусированным взглядом, с максимальным охватом. Так, вижу и его лицо, выражение его глаза, его ноги, его руки и мелькание сверкающей стали. Даже контролирую отморозков вокруг.

И вдруг понимаю, что он задумал. Ну-ну! Давай, мальчик, поиграем в казаки-разбойники! Намечаю выпад топором. Ожидаемо – смещается, чиркая мне по запястью лезвием своего оружия. Топор выпадает из враз обессилевшей руки.

Боль – есть. Но не столь потрясающая, какую я ожидал от перерезанной до кости руки. И кровь из перехваченных жил не бежит с ожидаемым напором.

Вижу краем глаза торжество в его глазу, намечающуюся ухмылку пренебрежения. Рано! Рано ты порадовался. Штык легко входит ему под подбородок. Горячая кровь хлынула мне на руку. В этот раз смог себя сдержать – не кинулся, как псина, лакать эту сводящую с ума бордовость. Но одногла-

зый – всё одно – блекнет, сереет, его глаз за мгновение побелел. Его пасть раскрылась, выпуская дымок-парок его души. А его жизненная сила, через штык – широким потоком высоковольтного тока – бьёт меня, выгибая меня дугой.

От боли ору. На одной ноте. От боли, от распирающей меня силы, от нестерпимого давления, от обжигающего, испепеляющего жара и тока этой силы.

Одноглазый за секунду стал похож на пепел истлевшей сигареты, осыпался невесомой взвесью.

Если бы на меня, сжигаемого, ломаемого, оглохшего, ослепшего, шокированного и контуженого, кинулись бы отморозки – порвали бы, как крыса – каравай. Но они отшатнулись назад.

– Демон! – выдохнул один.

– Демон-бродяга! – закричал другой.

– Повелитель нежити! – взвизгнул третий.

И этот визг стал для них сигналом к отступлению. Они прыснули – кто куда, как кухонные тараканы от тапка.

С женщины вскочил насильник, тоже побежал, путаясь в спущенных штанах. И так меня это задело, что вернуло к реальности.

И эти глаза. Этой женщины.

Прыгаю. И сам от себя офигиваю. Перелетев через этого насильника, падаю, качусь кубарем – ноги разной длины, не привык. А насильник так резко совершил поворот от меня, что тоже упал, порвал штаны, припустил от меня под пря-

мым углом. А я никак не встану. То нога не гнётся, то рука не выпрямляется.

Одним словом – метнул в него штык. И ведь попал! С левой, изуродованной, руки! Не совсем удачно, не туда, куда целил, и не так как хотел, но – попал! Хотел-то я меж лопаток ему клинок вогнать, а попал – в ягодицу, да еще торцом рукоятки. Нет, там торец будь здоров! Можно, как молоток использовать! Но, блин, в задницу?!

И очень удивился, что голозадый рухнул, затрясся, стал стремительно сереть, испепеляясь. А меня опять выгнуло дугой и стало колотить, будто я на высоковольтный кабель помочился.

Пока меня колбасило, отморозки разбежались. Да и плевать на них! Судьба их незавидна и уже определена. Самим родом их занятий. Не сегодня – так завтра сдохнут. В придорожной канаве, а саваном им будет дорожная пыль.

Глава 2

Встаю. Меня ещё потряхивает и распирает, как ту лягушку, надутую через соломинку.

Осматриваю себя. Раз уж ужалось выжить – надо жить. Разбираться с поломанным телом, с глючащим разумом, с...

Я же голый! И ладно бы – совсем всё отрезали, но треть-то оставили! Стыдно чёй-то стало. Две пары женских глаз пристально наблюдают за мной. От этих взглядов и стало стыдно. Поворачиваюсь боком, ковыляю к куче тел на дороге.

Старшая стоит в боевой стойке, сверкая своими женскими белыми прелестями через прорехи остатков одежды, маля меня горячеей, живой, чистой кровью, что обильно стравливается через порезы. А руки – как и моя правая рука – бессильные. Видел, как она пыталась ножи подобрать. Глаза её – в пол-лица. Бывает. И не таких красавцев на дороге встретишь. И не так охудеешь в атаке.

– Кто ты? – кричит мне.

Кто я? А в самом деле – кто я? Не помню. Ничего не помню. Никаких координат. Как моё имя? Родовое имя? Родина? Какого я рода? Одно понятно – почти мужского. Блин, опять стыдно. Потому как видно. Откуда я? Как сюда попал? Что происходит? Ни на один из этих вопросов у меня нет ни одного ответа. Даже приблизительного.

Куча тел шевелится. Живы аж семеро. Четверых я одно-

значно определил отморожками. Мне и так хреново, но почему-то уверен – силы никогда не бывает много. Мой штык переводит их в пыль. Обидно, что всё сразу. Вместе с одежами и оружием. Всё, за мгновение, истлевает в прах. Да и!.. Плевать!..

Меня так распирает, что, кажется, пукну – взлечу!

Трое живы. Красная расцветка единообразных шмоток как бы намекает на их единство. Один встаёт сам. Меня боится. Правильно делает. Такую красоту встретишь в тёмной подворотне – обделаешься. Выставляю в него обе руки в жесте, который для меня означает остановку. И показываю ему, кроме семи с половиной пальцев, что ладони мои пусты. Как и мои карманы. Карманы у меня – прозрачные настолько, что нет их, сам может видеть, что у меня где припрятано. Потом махнул ему левой ладонью, подзывая, указывая на его раненого товарища, жестом-рывком демонстрирую, что парня надо извлечь из-под тел. Он меня понял. Опустил топор, помог. Но старался держаться как можно дальше. Воняет? Бывает! Тебя будут пытаться – не так обделаешься, не так обмараешься.

А дела плохи! Парни-то – на грани. Один даже пытался белое облачко выдохнуть. Не дал. Загнал этот пар обратно в тело. Откуда я знал, что станет только хуже? Сделал то, что посчитал правильным.

Но парней надо штопать. И меня. И ту, сиськастую. Выпрямился. Нашёл глазами красноголовую девочку. Жестом

позвал. Только потом опомнился, схватил окровавленный порванный плащ, закутался.

«Ты понимаешь меня?» – мысленно спрашиваю, глядя в зелёные глаза девочки.

Кивает, икает. Сверток с ребёнком очень неловко держит старшая женщина. Бесчувственными пальцами пытается погладить лицо ребёнка. Она – его мать. Вон как их марево жизни тянется друг к другу.

«Нужна нить, игла. Шить, понимаешь? – спрашиваю девочку, жестом показываю, будто шью. – И острый нож!»

Девочка кивает, крутится, бежит лёгкими ножками к повозке. Ну а нож я сам нашёл. Нет, штык не годится. Он не режет. Он стирает из реальности. Да, руки хотя бы вымыть. Хоть чем – всё чище, чем сейчас. Блин, а ногти-то мои, ногти! Вот это я неряха!

Когда девочка прибежала со шкатулкой, которая оказалась дорожным ремкомплектom швеи, попросил её прокалить клинок. А у неё не получается. Подсказал, где она ошиблась. Волна обжигающего пламени пробежала по лезвию.

– Вы – маг? – спросила с дрожью в голосе девочка.

Мотаю головой. Какой я маг? Я – урод. И вообще – не отвлекай!

Оказалось, девочка и это слышала. Отступила на шаг. Но, встав на носочки, прикрыв рот ладошками, смотрела через моё плечо, как я пластаю рану, вычищаю её, как сшиваю.

Заштопал обоих бессознательных парней. Тот, что был в сознании, мужественный парень, кстати, боялся меня до ужаса, но допустил меня до своего тела, скрипя зубами и рыча – терпел.

А вот белогрудая категорически отказалась. Пожал плечами, сел на тело одного из убитых (ему уже всё равно), стал левой рукой сшивать себе правую. Странно, вена перерезана. Но кровь не бежит. Составляю, прихватываю, сшиваю белые нитки сухожилий. Только потом сшиваю кожу.

Да и из других моих ран кровь уже не бежит. Где-то свернулась коркой. А где-то – нет. Как раны на трупах – не кровоточат. Может, я этот? Зомби? Да и отморозки кричали, что во мне увидели жожака нежити.

Старшая женщина переодевалась. Терпеливо ждал, пока девочка её оденет. Ну вот! Совсем другое дело! Только вот раны надо было сначала обработать, чтобы перестали кровоточить. Ведь крышу мне сносит! От её крови! Подхожу к ней, показываю, что правая ладонь управляема, что все три с половиной пальца двигаются.

Решалась она долго. Совещались с бойцом и девочкой. Я возился в сторонке, делая вид, что не слышу их. Разбирал тела. Освобождал их от трофеев. Найдя куски более или менее чистой ткани, сначала замотал себе правое запястье, потом стал стирать кровь и грязь с остальных ран, штопая сам себя.

Видя это – решились. Но я – только в роли организатора. Штопает – девочка. А зовут её, оказывается, Пламя. И это

Пламя в полуобморочном состоянии шила полуобморочную хозяйку.

Оказалось, грудастая – довольно немаленькая шишка, баба при деньгах и при власти. Только вот как она, такая знатная, богатая и влиятельная, оказалась на этой дороге под отбросами людскими? Ну, это её жизнь. Накосячила – пусть теперь хлебает полными половниками. Отребье, вон, её уже наполнило – грязью. Чувствую, как она боится понести от этой швали. Да, баба плодовитая. От случайного чиха залетает. Ещё бы – такая сила жизни в её чреслах! Отребью крышу поносило. Аж меня не заметили, такого бесшумного, незаметного.

Но это несправедливо! Позволить этому мусору продолжить себя в веках – преступление перед человечеством. А потому – семя их умирает прямо в лоне этой женщины. По моему желанию. Если бы ещё знать, что именно я сделал для этого?!

Девочка туго затягивает руки хозяйки полосами ткани. Киваю головой, одобрительно, мысленно хвалю девочку. Она – молодец. Во всём сегодня себя показала с исключительно замечательной стороны. Лицо девочки стремительно догнало в расцветке свои же волосы и превалирующую расцветку одежды остальных.

А старшая – как-то смешно – присела, чуть поклонилась, приняла какое-то подобие помпезности на лицо, стала говорить:

– Я – Лилия Медногорская, властительница земель Медной Горы, что на западных землях Порубежья Империи, знаменосец Князей Волка, благодарю вас за оказанную помощь, за наше спасение. Мы в неоплатном долгу перед вами. Кому мы обязаны спасением?

И тут я опять задумался. Понятно, что она спрашивает, так вот, витиевато – «а ты кто, собственно?» Но вот кому она обязана своим спасением? Кто та гнида, что сунула меня сюда? В этот вот мешок ломаных костей и гнилого мяса, с разбалансированной нервной системой и противофазной энергетикой?

Чувствуя, что пауза затягивается, ткнул рукой в небо над головой, а потом мысленно продекларировал, а рыжая девочка озвучила:

– Он говорит, что спасением вы, госпожа, обязана не ему, а вашим богам, им и должны. А как его имя – он сам не знает.

Лилия Медногорская переглянулась со своим воином, повернулась ко мне:

– А какие ваши дальнейшие планы?

В ответ я пожал плечами, а Пламя озвучила:

– Говорит, нет у него планов. А собирается он – собрать то, что тут плохо лежит и... Валить? А, уходить отсюда. Пока... падальщики? Пока твари не набежали.

Лилия опять переглянулась с парнем, говорит:

– А можем ли мы просить вас сопроводить нас, помочь нам? Видите ли, у нас есть золото. Немного, но – есть. А вот

людей у меня не осталось. А нам надо попасть в столицу.

Я пожал плечами, потом – кивнул. Если всё едино – что делать, то ведь едино – что не делать?!

А Пламя озвучивает:

– У него нет к нам злобы. Говорит, что не надо его бояться.

– Да как его не бояться?!.. – воскликнула Лилия, но осеклась, пряча глаза.

Я усмехнулся. И этим сделал ещё хуже. Отшатнулись не только Лилия и Пламя – даже боец обратно схватился за топор, отступая на пару шагов. Видимо, у меня настолько добрая и открытая улыбка, прямо – гагаринская, что ею можно страдающих запорами лечить.

Потому, поняв, что дипломат из меня никакой, забил, занялся делом. Меня как раз перестало разрывать изнутри давлением... непонятно чего, потому я утилизировал тела, освобождённые от рухляди. Кстати, от трупов выхлоп – никакой. Есть, конечно, но – никакой.

Отморозков особо и не шмонали. Там пожить было совсем нечем. Потому обращал их в пыль вместе с их ржавым и дряхлым тряпьём и вещами.

Долго стоял над телами трёх молоденьких девочек, с сожалением смотря на них. Душу мою щипало. Им бы жизнь преумножать. Всё для этого есть. Тела – гармоничные, родины животов – приёмистые, дитя выносили бы, родили бы без сложностей, ведь кости таза достаточно проходимые, груди развиты, выкормили бы, каналы жизненной силы чистые, го-

ловы были светлые. Здоровые дети бы родились, поднялись бы. Но девушки полетели по ветру – прахом.

А это моё оцепенение вызвало такое же оцепенение и троих живых. Раненые – живыми ещё не считаются. Дитя и так было в постоянном оцепенении. Проклят он. Его каналы жизни перевиты, заблокированы, запутаны. Почти как мои. Но у меня – врождённое.

Видел, как Пламя пересказывает им те слова, что я позволил ей уловить в моем прощальном обращении к девушкам. Я надеялся, что в будущем Круге им достанется лучшая Доля. Они выстрадали своё.

Как я и говорил, с трупов никакого толку. Сила от них приходила плохая. Я её развеивал обратно в воздухе. Особенно – с тел отморожков. Потому предложил воинов Красной Горы захоронить. И этим вызвал ужас у живых.

А когда поднялся тот боец, которому я запретил умирать, понял – почему. Почему надо было именно уничтожить тела.

Боец поднялся быстро. Как будто и не был смертельно ранен. Второй – даже в сознание не пришёл, а этот встал. И кинулся на Пада – бойца Лилии, которому повезло меньше остальных пострадать в этой потасовке.

Хорошо, я рядом был. Отшвырнул этого поднявшегося. С такой злостью толкнул поднявшегося бойца, что его снесло, будто в него машина врезалась. Только тогда я понял, насколько этот поднявшийся неправильный. Ток жизненных сил в нём сменился током какой-то другой силы. Плохой си-

лы, вызывающей ощущение нечистоты, противной сырости, промозглости, стылости.

«Не смей!» – мысленно крикнул я, выхватывая свой штык из ножен, с желанием развеять пеплом и этого бойца, коль уж его выздоровление не сложилось. Но боец замер, вытянувшись в струнку, как салага перед сержантом-демпелем. И смотрит мне в лицо бездумными глазами труп.

И я передумал его уничтожать. Велел поставить повозку на дорогу. Тоже зря. Кони его боялись, как мертвеца. Блин! Так он и есть мертвец! Похудеть – не встать!

А как похудели живые! Ну про мальчика не говорю, он вообще сам в себе, навсегда. А вот эти трое – стоят с лицами цвета этого поднятого бойца, губы трясутся, ножи трясутся.

Они – живые. Боец – нет. А я? Я кто? Я какой? Кожа теплая. Стала. Сердце бьётся. Теперь. Но нежить слушается меня беспрекословно. Может, отморозки были правы? Я – хозяин нежити? А кто хозяин нежити? Нежить. Некромант. Я некромант? Гля-ка, муха! Вот повезло, так повезло! Ё-ё! Ведь всегда мечтал о готической романтике некрофилии! Это сарказм, если что. Никогда не понимал этого самоубийственного увлечения молодёжи.

Одним словом – настроения никакого. Потому работа закипела.

Раненого положили в повозку, Пад – за «водителю кобылы», Лилия с ребёнком – туда же, шмотьё, что признано ценным – в «багажник», девочка и я – едем на следе от телеги. То есть

следом идёт. По разные стороны дороги. Самого тошнит, как от меня воняет.

Мертвяка я прогнал с дороги. Пусть идёт где-нибудь там, чтобы не злил меня видом своим, напоминанием о моей неудаче, но чтобы и был недалеко. Мёртвые не устают. Мёртвые не потеют. Не просят повышения оклада, не требуют обеда и перекура. И не бастуют, не саботажничают, не воруют. Пригодится!

Пустота и скудность окружающего ландшафта вгоняла в уныние. И за всё это время никого на дороге. Какая бойкая тут магистраль! Прямо Тверская-Ямская!

А вот девочка оказалась бойкой и разговорчивой. Наверное, это нервное. Вон её барыня, как скрылось место бойни с глаз, так и полились слёзы из её очей. Так и ревёт. Думает, если в платочек завернулась – не видит никто? А девочка трендит и трендит. Причём моё участие в разговоре и не требуется особо. А-а! Знаю! Синдром попутчика! Девочке надо выговориться! Нервное это. Отпускает её нервы напряжение пережитого страха и ужаса. Ну, так – пусть! Послушаю. Авось, уши-то не завянут.

Послушаем про разумелого и очумело рукастого папу этой девочки, про ласковую и такую добрую маму, про какого-то сказочного дядьку-деда-северянина, про братьев и сестёр девочки, про её покровителей и господ-бояр, про злых и нехороших – врагов.

Причём про врагов было что-то особенно жутковато даже для богатой фантазии подростка. Про кого только она не плела! Хотя... Слишком логично, чтобы быть выдумкой, слишком невероятно, чтобы быть правдой. На родину девочки ополчился буквально весь белый свет. В едином порыве слились чиновники и церковники, нежить и дикие твари, ещё целая куча организаций и структур. И все, даже демоны, все хотели лишь одного – известить родню девочки под корень. Её отца-умельца, оружейника, дядьку-деда-великана, братьев-богатырей, их хозяев – бояр, сплошь – с нимбами на головах, их золотых соседей, сплошь добросердечных, и даже дворовую скотину, отличающуюся особым умом и сообразительностью, иногда, когда никто не слышит, переговаривающуюся в стойлах, а когда никто не видит – летающую. Низенько-низенько, чтобы без палева. Либо высоко-высоко, чтобы незаметно.

Хорошо быть ребёнком. И жить в сказке. Плохо быть именно этой девочкой, с именем Пламя. И находиться именно в этой, именно в её сказке. Сказка её больно уж жуткая. А самое херовое, что, похоже, и не сказка это вовсе. А быль. Что ни на есть быль. Вот она – сама волшебница, пусть и неумелая. Огонь из ничего создаёт, просто из воздуха и мысленного усилия, мысли немых уродов (это я про себя) читает, а вон она, нежить, бойко чапает по корке каменистого глинозёма Пустоши. Станешь ли удивляться, если из-под земли встанет демон, а с неба спикирует дракон? Наверное,

нет. А где-то далеко, потому незаметно, – сильные и могучие богатыри. В славном городе Ростове, у попа соборного, под ряской ныкаются.

В общем, сказка споро сказывается, а дорога за беседою короче кажется. А вот, кажется, и река какая-то. Хотя это и не обрадовало моих спутников, а вот меня река обрадовала. Река – это вода. А вода – это помывка. Девочка быстро поняла, что мне требуются мыльно-рыльные. А старшие удивились. И мне показалось – даже обрадовались. С облегчением. А-а! Так они меня нежитью считают. И, блин, не поспоришь! Ибо сам не знаю – живой я или – не думаю.

Река – одно название. Брод – по колено. Но переходили почему-то в состоянии повышенной боеготовности. На днёвку встали на том берегу. Но не на берегу. В отдалении, на высоте. Мертвяка я послал на обход окрестностей, Лилия и Пламя занялись готовкой, Пад – бдил. Со щитом, копьём, топором и самострелом. Ну а малыш и раненый – понятно, не с нами. А я, прихватив мыло и мочало, пошёл к реке.

Пламя говорит, что реки – опасны. В них водятся разные опасные твари. Верю. И вот опасных тварей в реке стало больше – стою в ней по пояс, жду остальных. Тварей. Опасных. Поймаю – уху сварю.

Наверное, они правы. Я всё же немного мертвец. Вода – как будто вчера лёд сошёл. Холодная. Но я, ощущая, что вода ледяная, не замёрз. И даже не трясёт. Стою, моюсь, как в море, южным жарким солнцем подогретом. С яростью скре-

бу своё ненавистное, уродское тело — лыковым мочалом с жидким мылом. Безжалостно тру покрытые коростой раны. Когда отчаялся вымыть колтун волос и бороды, сходил на берег за штыком. И срезал всё, к херам! Штык испарял волосы, как бензорез.

Я начинаю новую жизнь! Как новобранец! С чистого листа, с бритой головы и подбородка.

Глава 3

Я теперь как человек. Обутый, одетый, вооружённый, вымытый, выбритый, пожравший горячего.

Беда в том, что «как», а не человек. И понимание этого пришло на закате. Вместе с возбуждением мертвяка. То был тихий, послушный и мертвецки спокойный. А как светило склонилось к горизонту, так турборежим включили. Носится, как наскипидаренный, места себе найти не может. Хорошо хоть не кидается, слушается мысленных приказов. Забил невинную зверушку с клыками длиной с мой палец. И как кот домашний к огню приволок. За каким, спрашивается? Или думает я эту гадость есть буду? Или он так отчитался о проделанной работе?

Но не думал я об этом. Потому как возбуждение мертвяка перекинулось и на меня. Все нормальные люди – сонные, усталые после перенесённого. А я как током стукнутый. На месте мне не сидится, всё подмывает куда-то идти, что-то искать. Как у лунатика настоящего. И темнота мне не даёт покоя. Оказалось, не темно мне ночью. Всё видно. Только цвета поблекли. Вот и ходим с мертвяком кругами вокруг спящего лагеря. Он – по внешнему, большому радиусу, я – по ближнему, малому.

Да и как тут на месте сидеть, когда чешется всё – сил нет! Права была девочка, не надо было в реку лезть. Чесот-

ку подхватил. Особенно сильно раны чешутся. И не почешешь. Ещё это неконтролируемое слюноотделение! Бесит! Вся тряпка, которой я лицо замотал, чтобы скрыть своё уродство, обслюнявлена, хоть выжимай!

Посреди ночи мой мертвяк схлестнулся с какими-то дикими мертвяками. С разгона влетел в схватку, топором снёс череп одному, второго мертвяк приголубил, а вот третьего – я взял под контроль. Ну а как назвать то, что когда я хотел остановить моего мертвяка, мысленно крикнул: «Стоять!» – то встали как вкопанные – оба...

Хожу, люблюсь. Хороший образец для изучения анатомии. Чистые кости. Как эта нелепость передвигается? Непонятно. А ну, подними... лапы! Ха! Ха-ха! Вот что, на тебе топор, вот этот... Стой ты, мерзость! Этот платок – на голову. Ха! Ха-ха! Алёнушка! Так и ходи! Пусть все знают, ты – жена Мертвяка. Мертвяк, познакомься, это – Мерзость, Мерзость, это – Мертвяк! Объявляю вас парой! У вас теперь парное фигурное катание. Понятно? Ну, кивайте! Вот! Что не понятно? Вперёд! Мои вечно бдительные дозорные!

Смотрю им вслед, люблюсь. Кости павших бродяг убираю штыком. Прямо от души отлегло. И чё я распахивался? Живой – не живой... Какая, на хер, разница?! Я мыслю, значит – существую! И параллельно – кто я! Я – это Я! И меня – до х...! Вот!

И вот в таком настроении возвращаюсь в лагерь и как нормальный человек ложусь на подстилку, закрываю глаза.

Пусть я спать не хочу. Я тут вдруг понял, что умею делать с собой – нечто необычное. Какой-то «транс». Ну, я ж теперь неполноценный мужик, чем не «транс»? Всё одно – не нравится. Пусть числится медитацией. Или йогой? Или йодом? Решено – медитация. А я – медиум. Не хард, не изи, а медиум. Что-то среднее. Не мужик, не баба, ни жив, ни мёртв. Что-то среднее.

Тут чувствую – что-то не то. Присутствие. Фух! Это Пламя – пришла ко мне, легла рядом, вжалась в меня, накрыв нас обоих своим одеялом.

– Я боюсь, – прошептала она, – а с тобой – нет.

И тут же уснула. Охренеть – не встать! Чую – щиплет глаза. Щупаю – мокро. Чувствую что-то глубоко знакомое, что-то тёплое в душе. В ДУШЕ! Так я человек? Или?..

Начинаю тихо мычать какую-то колыбельную без слов. Слов я не знаю. Как дочери своей – ведь именно такие чувства этим своим действием вызвала во мне девочка. Отцовские чувства. Или как к внучке. Скорее, как к внучке.

Так и сам уснул, осторожно обнимая-прикрывая девочку. Прикинь? Уснул!

А вместе со светом дня в нашу компанию как будто вернулась жизнь. Ну, началось всё с шока конечно же. Когда увидели кучку тел разных тварей, что натащали наши неутомимые караульные. И с поисков девочки. Ведь в мою сторону не смотрели ни Лилия, ни Пад. И со звонкого смеха девочки,

что чмокнула меня в щёку, сказав, что я тёплый, как печка.

Пока мы с Падом разбирались с телами падали, женщины сготовили горячего. У Пламени стало много лучше получаться. Огонь без дров был ровный. Не угасая, но и не прижигая варево. Молодец, внучка! Вот, блин! Дедом стал, неожиданно-негаданно! Внучка появилась!

Пад, оказалось, немного шарит в диких мутантах. Некоторых просто пустили в распыл, некоторых – разделявали.

Позавтракали. Глаза Пад а стали увереннее. Ушли из них растерянность и панический ужас. И глаза Лилии посветлели. Она даже волосы уложила в нечто, подобное причёске. И даже пару раз её глаза наливались теплом и добротой – её малыш крутил глазками, чуть дёргал головкой. Исправно сосал грудь. Ничё, я ещё «посплю» в йоде медитации, полностью разберусь с собственными мозгами и с головой этого малыша. Обидна, понимаешь ли! За что дитя страдает?

Потому дорога была ещё легче и короче. И даже путники нам встретились. И убили Мерзость, что тылы наши стерегла. Хорошо, я Мертвяка успел отослать подальше. Мерзость, как учуял их, живых, так сразу сорвался с поводка – полетел на них, как мотылёк на свет огня, ослеплённый их Силой.

Вылетели пятеро. Сильные. Трое – маги, как Пламя, только много-много сильнее. И двое – сильные бойцы, источающие силу и уверенность в себе. Осмотрели нас, расспросили кто, куда, зачем? Не видели ли чего необычного?

Лилия и ответила, что видела. Шайку разбойников, что

перебила всех её людей. Эти пятеро заволновались, достали карту, показали на неё.

– Тут?

– Да, тут, – удивлённо ответила Лилия. И я удивился. Что женщина карту разумеет.

– А Повелителя Нежити не видели? – спрашивают.

И тут мы начали ржать. Истерично. Взахлёб. Оказалось, это пятёрка бойцов какой-то Красной Звезды. А организация эта, оказывается, испытывает просто патологический, патологоанатомический интерес к Повелителям Мертвых. Вот они и погнались по следу слухов. И следы их и привели – к нам.

– Очень жаль, что ваше время было потрачено напрасно, уважаемые, – чуть склонила голову Лилия Медногорская, – но вы погнались за призраками ужаса тех мерзавцев, что напали на мой отряд.

Бойцы переглянулись. Спешились, поклонились. Представились. Односоставными именами, как у Пада. Но их сила говорила, что это – лишь позывные. Представилась и Лилия. Бойцы склонили головы, один из краснозвёздных даже преклонил колено, сказав, что преклоняется перед ней и памятью её мужа. Во как! Оказалось, грудастая знаменита! Ещё острее встал вопрос, какого хрена?!.. А-а! Ладно!

– А никакого повелителя не было, – говорит польщённая вниманием Лилия. – Вот этого уважаемого воина, нашего спасителя, это отребье и приняло за повелителя.

Взгляды – разные. От удивлённых до прокурорских. У меня даже лёд потёк к ногам, но я расклад секу, потому – морда кирпичом. Да, за прослунявленной тряпкой. А Лилия продолжает:

– Сего достойного мужа банда захватила и пытала. И почти убила. Но, как видите, сей воин выжил. Только вот не помнит о себе совсем ничего. А когда он очнулся и пошёл мстить, то вид у него был такой, что его и приняли за бродягу. А так как воин сей велик силой своей и яр мужеством, то посеял он страх в шваль придорожную. Вот они и посчитали его Повелителем Нежити.

– А что же он сам нам не расскажет о себе? – спрашивает тот, что с «прокурорским» взглядом.

Скалюсь им, сорвав тряпку с лица, показываю свои прекрасные зубы, обрезанный кончик языка, стягиваю с головы платок, который я подвязал на лысину, оголяя свежий шрам. Ну и распальцовку мою они увидели. А выражения их лиц мне доставило... потому вновь усмехаюсь, пытаюсь завязать платок, но не справился.

– Давай я! – говорит Пламя. Встаю на одно колено, чтобы девочка дотягивалась, далеко выставив другую, не гнущуюся, ногу. Ловкие пальцы завязывают узел на затылке. Кивнул девочке, поднялся, раскорячиваясь по пути. Заматываю обратно на лице шарф тряпки.

Краснозвёздные за всем этим смотрели не отрываясь. Потом переглянулись коротко, и вот один из них, видимо стар-

ший в отряде, предложил сопроводить нас до ближайшего города с рукавом Гильдии наёмников. И даже предложили золота на наём подходящей охраны.

Отказываться было глупо, потому Лилия согласилась на попутку, но отказалась от золота. Что-то себе понавыдумывала, не хочет быть обязана, видите ли! Ты бы ещё отказалась от сопровождения пятёрки элитных спецназовцев! Судя по разнице экипировки этой пятёрки и видимых мною воинов самой Лилии. Отморозков вообще не учитываю. Рвань и есть рвань.

Так и пошли. Эти пятеро – верховые, на отличных боевых конях, сразу вырвались вперёд. Повозка с боярыней тащилась следом. Ну, а мы с девочкой плелись сзади. Я, хромоногий, просто не поспевал за конями, да и девочка приотмилась. Приотстали мы. А то мне не понятно, зачем этим пятерым сопровождать нас. А точнее будет сказать – конвоировать.

– Я так боялась, так боялась! – шипит девочка, как только мы достаточно «отстали». Ну вот! Дитя пограничья. С рождения понимает, что такое скрытность.

«Чего же?» – думаю.

– Что увидят Тьму в вас! – шипит Пламя.

«Они и увидели», – подтверждаю. Подумал несколько секунд, не образуя слов – так девочка не слышит меня – стоит ли говорить ей, решил – стоит.

«Они увидели. Но не Тьму. Они решили, что это метка

Тьмы. Или метка Смерти. Они и сейчас спорят об этом, – передаю девочке. – А вот почему ты не боишься Тьмы?»

– Привыкла, – пожала плечами Пламя, – я в детстве дружила с Пятым. Мой друг детства. Вместе росли. Пока он не ушёл с моим братом. Так у него такая же метка была. Или похожая. А он хороший. И ты – хороший. Только страшный. Некрасивый.

Ох уж эта детская непосредственность!

– И госпожа – хорошая, добрая. Видел, как она их развернула? Взяла тебя под своё знамя, под свой ответ, – продолжила девочка.

«Подставилась! – возразил я. – Если бы эти решили, что я – Тьма, порубали бы всех сразу, как приспешников Тьмы!»

– Нет! – резко возразила Пламя. – Не может быть! В Красной Звезде – Северная Башня, Молот и Пятый! Были! Это хороший Орден! Дед бы не создал плохой Орден!

Не стал ничего возражать. Ребёнка не переспоришь. Детство тем и очаровательно, что мыслишь контрастными, чёрно-белыми категориями – плохой, хороший. А потом детство уходит. И приходит сплошная муть и серость, в которой всё круто перемешано и разбавлено. И становится ясно, что организации просто невозможно судить критериями – «хороший, плохой». Как нельзя оценить добросердечие меча. Меч не может быть добрым или злым. Он может быть тупым или острым, крепким или хрупким, новым или ржавым. Но не добрым. И не злым. Это – инструмент. Им можно нарезать

мяса к ужину любимой, а можно случайно зарезать самого близкого тебе человека.

Как и не сочетаются в моей голове слова «госпожа» и «добрая». Только с добавлением «госпожа – добрая и мёртвая, потому что глупая». Облечённый властью человек и доброта так же сочетаема, как холодное пламя, яркая тьма, умный Мертвяк, что опять пёр сюда, тупорылое создание, приманенный мощью этих Краснозвёздных. Задолбался я уже гнать его с глаз долой!

А девочка опять завела балладу о славных и могучих своих родичах, что свершили великие подвиги. Только вот загнулись её родичи. Ну, честь им и хвала! И вечная память! Глыбу гранитную и звезду фанерную. С отшелушенной краской.

«Один из этих магов – маг Огня, – передаю я девочке, – ты бы попросила его помочь тебе!»

Девочка насупилась.

– Как же! – огрызнулась она. – Помогут они! Маги знаешь какие?! Носы позадирают! Близко не подойти! Умения свои очень сильно скрывают. За что Дед их и не любил. А Дед знаешь какой был?..

Я даже застонал. Опять – по кругу!

– Мне вообще никто никогда не помогал, – горестно возвестила Пламя. – Только Дед и... ты. Дед мне вот что подарил.

И девочка полезла за шиворот своего платья. Ввиду от-

сутствия груди платье у неё было глухое – пока нечего выставить на прилавок, только-только начали завязываться у неё первичные половые признаки. И говорила при этом:

– А ты мне подсказал, где я ошибаюсь. А как ты мне можешь подсказывать, если я твоей Силы не чувствую?

И что я ей отвечу? Что сам не знаю? Вот потому ижимаю плечами. А девочка в это время достаёт подвеску, на которой болтается кулончик с красным кристаллом и какой-то амулет. Девочка назвала амулет «Посмертием». На людях Лилии я уже видел такие. И даже видел следы их срабатывания.

А вот кристалл меня заинтересовал. Он был отличен по природе своей от прочих кристаллов. И по ощущениям больше был похож на саму девочку. Ну, как я её вижу – сгусток биоэнергетических потоков. Только девочка, маги, люди – живые, колышутся, ритмично «дышат», пульсируют. А кристалл – застыл. Кристаллизовавшийся сгусток биоэнергетики. Только пустой.

«Плохо, что он – пустой, – передаю я девочке. – Он от этого страдает, болеет. Разрушается».

– Да, знаю. – Кивает Пламя. – Но я пока не умею сливать Силу в накопитель. А Дед говорил, чтобы никому его не показывала.

«И ты его показала мне. Первому встречному-поперечному, отмеченному меткой Тьмы», – усмехаюсь я.

Девочка убрала подвески, прибрала ворот платья.

– Я тебе... верю, – насупилась она. – Ты – хороший.

Ох, дитя, дитя! Сиротинушка! Верит она!

«Вон у того, с палкой, такой же есть», – передаю я Пламени.

– Сильный маг Воздуха, – с завистью говорит девочка, – настолько сильный, что я не могу оценить его Силу.

Девочка мне рассказывает, что имеются несколько градаций магов. Одарённый – это такое же недоразумение, как и сама девочка: способности – есть, навыков – нет. Маг, что вроде и маг, но почти ничего не умеющий, и Сила его мала. Потом идёт – маг. Уже без всяких «вроде». Что уже выучен и кое на что способный. Шарахнуть молнией или вызвать плевок перегретой плазмы. Или воду в котле подогреть. Тоже – неплохо. Следующая градация – боевой маг. Ну тут и по названию ясно – боец. Заплюёт плазмой или молниями. Или ещё что. Девочка пока других проявлений повышенных способностей психики магов не видела. Следом – мастер-маг. И тут пояснения не требуются. Дальше идут мастера боевой магии. Или – магистры. Это по шкале университета, всеми дружно высмеиваемой. Магистр, кроме приличного объёма Силы, должен владеть как минимум парой школ магии.

А дальше пошёл рассказ про спектр магии, школы, магические течения и их сочетания. В теории магии девочку поднатаскали в школе, которую она закончила. Мне непонятно было, почему теорию заставили зазубрить, а практику ей не поставили. Закончила школу магии, а не смогла защитить

себя. Что, спрашивается, толку от всей этой теории, что толку от такой школы? Зачем она нужна?

Ещё деталь: видеть Силу могут только одарённые. Причём маг оценить уровень Силы другого мага может только в пределах кратности своей Силы. То есть маг может видеть мастера и одарённого, но уже не может оценить боевого мастера, тем более – магистра. Увидеть Дар, его цвет – может, а вот мощь мага взвесить – нет.

И есть ещё одна градация магов – повелители. Но девочке про этих магов ничего не говорили, кроме общих сплетен, типа увидишь – беги!

– Дед был, наверное, повелитель, – вздыхает Пламя. – Я его Силы вообще не видела. Будто он и не маг вовсе.

«Может, так и было?» – пожимаю плечами я.

– Он завалил старшего лича и демонов Зелёной Башне! Бездари так не могут.

«Всяко бывает! – опять пожимаю я плечами. – И в пустыне человек может захлебнуться».

– Дед был хороший, – опять завела старую песню Пламя. – Его все любили. Он такие вкусные пироги нам принёс с севера. Его Спасёна сразу полюбила. И мать господина Вила. И его сестра. И даже госпожа Лила. Хотя сейчас, если при ней упомянуть Деда, выпорет.

«От любви до ненависти – один шаг? Или так сильно любила? Та-ак! А ты откуда всё это знаешь?»

– А что тут не знать? У всех этих баб после Деда детки на-

родились. И все друг на друга похожи. Вон, посмотри. Разве этот сын госпожи на меня похож?

«А при чём тут ты?»

– Мой отец, ну по крови, – Светогор Медный Властитель. Потому я и одарённая к Огню и рыжая. А Дед был высокий, как башня дозорная, и седой. Потому хозяйка и назвала его Северной Башней. И все дети – в него, светло-русые. И рослые. И светловолосые.

От всех этих перегибов и перехлёстов семейных отношений заклинило меня. Муж Лилы обрюхатил родственницу этого легендарного Деда, а сам Дед – вообще, похоже, покрыл всё, что двигалось. А что не двигалось – растолкал и покрыл.

– Госпожа меня не любит. Ведь я – выродок её мужа.

«И везёт тебя учиться», – добавил я.

– А у неё выбора нет. Магов у нас не стало. – Пожала плечами Пламя. – Магов много не бывает.

Девочка вздохнула:

– И Деда ненавидит.

Я прислушался к эмоциям женщины.

«Себя она ненавидит, – пояснил я девочке, – себя. За то, что полюбила твоего Деда. Одно дело – разделить постель, что они с её мужем неверностью почти и не считали, а другое – разделить сердце и душу. Считает, что этим обрекла своего... тоже любимого мужа – на смерть. Изменой, неверностью. Потерей своего оберега своей любви над ним. Счи-

тает, что её муж искал смерти, не в силах простить ей измену своей любви. Считает, что он слишком любил её, чтобы просто выпороть, изгнать за неверность, но и простить не в силах был. И он потому искал смерти. И – нашёл. Ибо любовь её не оберегала его уже. Вот за что она ненавидит себя. И Деда, которого считает виновным в своей любви к нему. И ребёнка этого любит как своего сына, а ненавидит – как плод неверности своей, как семя твоего Деда. Как живой укор себе. Хм... Как сложно всё у вас, баб!»

Девочка рыдала. Долго. Несколько часов. То затихая, то, вспомнив что-то – опять навзрыд. Тут я и понял, что душа женская – жидкая, слезливая. Жалостливая.

Глава 4

А так, в целом, ничего не происходило. Дорога была пуста в оба конца этой марсианской пустыни. Три кучки нашего отряда не общались между собой. Твари и нежить нас не беспокоили. Подозреваю, через ощущения Мертвяка, что твари просто боялись Силы магов и их уверенности в себе, а нежить я загодя разгонял. Поднапрягся, поднатужился, научился. Кто их, магов, знает? Вычислят меня через эти ходячие наборы костей. Я ведь только делал вид, что не слушаю Пламя. Так что мои удивляющие меня самого выкрутасы тут всеми воспринимаются исключительно негативно. Всё это – Тьма. А Тьму они – уничтожают. Потому – на хер, ибо – не хер!

На закате догнали остальных, что встали лагерем у развалин какого-то здания, похожего на остатки какой-то обширной башни. Башня эта несла следы частых стоянок. Видимо, Краснозвёздные – не одни такие хитрые.

Разговоры у костра как-то не клеились. Народ был скован, зажат. Слишком разные люди собрались. Бойцам звездатым с нами обсуждать было просто нечего. Меж собой при нас – не к чему. Лилия при них вела себя с остальными, то есть с нами, надменно. Подозреваю, что согласно «Кодексу деловой, корпоративной этики». Пламени при взрослых рот вообще открывать не положено. Ну и я тот ещё говорун.

Боец так и не пришёл в себя. Подозреваю, что он давно бы уже умер, если бы я его отпустил. Только вот беда в том, что я не хотел его смерти, а вот вылечить его – был не в силах. Так бедолага и завис между жизнью и смертью. Только после него перевязывались сами. Пламя, по моей просьбе, перевязывала меня. В стороночке. Не хотел светить конвоирам, что рубцевание моих ран происходит не так, как у остальных. На их фоне – ещё более разительно. Всякая мелочь совсем зажила. Потому завязываем эти места со следами ран старыми, бурыми бинтами.

Потому и Пламя мне помогает, что рождена – тайно, по секрету, с семенем и молоком впитав скрытность, ставшую её второй натурой. Это с виду она болтушка. Но ушки у девочки – на макушке. А язык, что мелет без устали, мелет только всякий мусор, важное у неё из головы не выпадает, в рот и на язык не попадает. Девочке не надо ничего объяснять. Для неё всё, что со мной происходит, нормально, по-свойски, а сор из избы девочка на люди не выносит. Даже не задумываясь. Врождённый конспиролог. Во как меня заносит! Какие слова из пробитой головы выпадают!

С малышом тоже решил не экспериментировать. Ну их, магов! С их незадокументированными возможностями! Заунылым подвыванием, типа колыбельной, усыпил пригревшуюся у меня под боком девочку, погрузил себя в особое состояние внутреннего созерцания, стал разбираться с доставшимся мне телом. И если с самим телом-то я ничего особо

и не смог придумать, то вот с повреждённым и неразвитым мозгом – мог. Что именно, как именно, а тем более – откуда я всё это умел, не зная – и не задумывался, чтобы грусти-тоски на себя не нагонять.

Потому утренний свет встретил с чувством торжества – неконтролируемое слюноотделение, сильно меня бесящее, стало менее раздражающим. Почти совсем прекратилось. Если не смотреть на Лилию. Её женственное естество, её тело, его чистота, жизнедающая сила её чресл – сводили с ума. И текло по подбородку. Потому ушёл в сторонку, пока она малыша кормила. Малыш уже вполне себе. Если судить по весу и месяцам от рождения. Но до сих пор – при сиське. Ничего, малыш! Недолго тебе блукать впотьмах осталось!

Поснедали. За завтраком опять отметил для себя, что человеком я лишь выгляжу. Еда была какой-то пресной. Не несла насыщения. Вчера думал – пройдёт. Не рассосалось. А вот кровь и жизненная сила моих спутников стала более манящей. И я понял, что та сила, которую я выпил из отморозков, заканчивается. И это породило страх: а не сойду ли я с ума, как Мерзость, не брошусь ли я на них, чтобы забрать их жизнь? Чтобы продлить свою. Что я за чудовище?

Самому страшно!

Вот с такими мрачными переживаниями и выступили в путь-дорогу. В прежнем порядке. Пятёрка бойцов, в центре – обоз, потом – я с Пламенем. А замыкал всё – Мертвяк, ночью убивший кого-то и подкрепившийся силой жертвы.

Хорошо хоть жертва однозначно была неразумной. Какой-то вид тупой твари, которой не хватило ума сбежать от воняющего трупом Мертвяка.

Ближе к полуденному светилостоянию бойцы рассыпались, погнались за кем-то. Развлекаются. Убили какую-то тварь. И даже частично выпотрошили.

Видя, что впереди что-то происходит, Пад сбавил ход, а мы с девочкой – прибавили хода. Потому к месту убийства животного подошли вместе. Пад спрыгнул, поставил повозку «на ручник», стреножив коней и застопорив колёса, побежал к трупу. Ну и остальные, ходячие – тоже. Лилия – с ребёнком. Мальчик спал. Щёчки порозовели – хорошо.

Бойцы обрабатывали взятые с туши трофеи, готовили их к транспортировке. Пад, осмотрев тело, разочарованно махнул рукой – всё сколь-нибудь ценное было взято Красной Звездой.

– Немой, приberi тело, – попросил Пад.

Видя, как я нахмурился, Пад смотрит на хозяйку... Лилия кивает. Всё же соображала мне катастрофически не хватает. Мозги мои, что брюшной жир этой твари – трепещущий студень. Красная Звезда же однозначно определила, что тел на месте нападения на отряд Лилии не было. А куда они делись?

Достаю штык, вонзаю его в тело. Смотрю, как осыпается прах. Тело свежее, тёплое, даже кровь не свернулась ещё. Хорошая порция Силы пришла в меня. Не так, конечно, как

с живого, выпитого самим, но – всё же! А чтобы приход Силы был незаметен, сделал невозмутимый вид. Не знаю – ко-го я обманываю? Пламя же говорит, что маги видят течение Силы.

Но лица бойцов удовлетворённые, любопытные. Нет ни злобы, нет и торжества. Попросили, именно – попросили посмотреть штык, причём из моих рук. Сами побоялись его в руки взять.

– Какая Сила Смерти! – воскликнул один из них, с самым мощным биением Силы. – И Разрушения! Откуда у вас этот клинок?

Рассказать? Ха-ха! В том-то и дело – пожимаю плечами. Показываю на свою портупею, на ножны штыка, потом на то место головы, где остался след от раны.

– Что ж, – кивает маг, – это многое объясняет. Властительница Красной Горы, вам благоволят боги. По крайней мере Мать Жизни и Смерти – точно. Вы приняли этого человека за благородного воина, мы не стали вас переубеждать. Мы допрашивали нескольких разбойников. Перед их смертью. Все они показали, что накануне нападения на вас их главарь убил местного слабоумного выродка. И все они утверждали, что Повелитель Нежити поднялся именно из этого дурачка, выблюдка. Но сейчас мы видим, что дело только на первый взгляд было так. А на самом деле этот ваш спаситель – посланник Смерти. И это – Дар Матери Смерти, этот клинок. Он забирает душу и тело жертвы – и сразу Матери Смерти.

Вот кто ваш, Медная Гора, покровитель – Мать Смерти. А это её посланник. И её знак на его ауре. Сам он – просто проводник. Нет в нём Тьмы. Если не считать метку Матери Смерти Тьмой. Красная Звезда – не считает. Нам Мать Смерти – мать родная, как Мать Жизни, жена Пересмешилка. Но предостережём вас – не всякий Чистильщик сможет отличить метку Смерти от метки Тьмы. Остерегайтесь!

Бойцы откланялись, ушли, покидали сумки на коней, отъехали, дав нам разобраться меж собой без лишних ушей.

Лилия озадачена. И даже растеряна. Смотрит на Пада.

– Он – не враг нам, – пожимает плечами воин, – я ему – обязан, госпожа. А то, что он не благородный? Так я тоже. А признаки слабоумия... Имеются. Но поступки его преисполнены мудрости и продуманы.

– Госпожа! – Пламя сжалась под взглядом Лилии. – Весь мой род не высок. Урождением. Но Северная Башня – тоже мой дед!

И вновь сжалась, будто ожидая удара плети.

– Ладно, Немой, – Кивнула госпожа, сжав губы от сожаления, – не твоя вина, что тебя приняли не за того. Моя ошибка. А что это, собственно, меняет? Мы по-прежнему едем в столицу, а Немой – с нами! Неблагородный? И что? Ещё лучше! Немой, пойдёшь ко мне на службу?

С треском сустава преклоняю колено, склоняю голову. Только вот встать потом не смог. И – идти. Ехал в багажнике. В полудрёме медитации. Меня перестало разрывать на куски

от её близости, магам я стал безразличен, потому я занялся головой ребёнка. Пусть я не заставляю его бегать, но хотя бы улыбаться матери он будет!

А то, что я неблагородный – вообще плевать! Главное – Повелителем Нежити не был признан, не был убит немедленно. А Чистильщиков побережёмся. Ещё бы знать – кто это?

Во второй половине дня бойцы Красной Звезды встали. Обеспокоенные, мы догнали их. Оказалось, если сойти с дороги, там есть особое место. Скверное, опасное, но маги не могли просто проехать мимо. И об этом нас и оповестили. И предложили нам следовать с ними.

Ах, как плохо пахло от всего этого! Прямо смердело! Но моего мнения никто не спросил. И сам бы я не высказался. Ну, никак! Потому Пад спешивается и ведёт повозку по едва заметным следам в Пустоши.

– Скверна! – ахает Пламя.

Всматриваюсь в это явление природы, пытаюсь понять. А когда на меня рухнуло... что-то, то я сам чуть не рухнул с повозки – так мне стало плохо и страшно разом. Какая-то тень знаний, даже не так – дыхание тени каких-то знаний. Каких-то волн, колебаний, токов энергии, потоков и перетоков, напряжений и разрежения, Силы и Пустоты. Всё это – так смутно, так неуловимо! Никак не ухватиться, не зацепиться.

Только одно стало понятно, но это-то как раз и потрясло – энергия. Сила – суть волна. А материя – суть колебания. И всё колеблется. С определённой частотой и амплитудой. Всё! Вообще – всё! Всё, из чего состоял Мир вокруг!

Потому не Скверна это! Это вяло текущая по Миру Сила. Но Сила эта – в такой частоте колебаний, такой своей естественной природы, что маги закрылись от неё защитой. Потому как колебания Скверны гасят колебания их собственной Силы, гасят её настолько кардинально, что заставляют корёжиться. Скверна переподчиняет течение внутренней Силы магов, коверкает её, ломает. И магам неприятно, если не больно. Пад не ощущает воздействия Скверны. Но и его жизненный ритм подстраивается под ритм Скверны, рано или поздно Пад совсем перестроится. И станет другим.

Так вот какая Сила бьётся в Бродягах!

Но Сила – это просто сила. Только вот брать мне её не хочется. А переиначить её, изменить её ритмичность, перестроить ток этой Силы не могу. И – не хочу! Потому пропускаю Скверну через себя вместо защиты от неё. Пусть течёт туда, куда текла. Я для неё прозрачен.

И этим я заставил магов остановиться и спешить ко мне, будто в атаку.

– Что ты сделал? – кричат они, сильно возбуждённые, обескураженные, оттого – злые.

Я пожал плечами, выставив пустые руки.

«Пламя!» – кричу мысленно.

– Бегу, Дед! – кричит девочка. Бежит, отмахивая тонкими ручками и толстой медной косой.

– А что, собственно, случилось? – запыхавшись, спрашивает девочка.

– Как ты убрал с себя метку Смерти? – трясёт посохом маг Воздуха.

– Он говорит, что он ничего не делал, – передаёт им мои слова Пламя. – Он лишь хотел, чтобы Скверна его не замечала.

Маг Воды толкает мага Воздуха и спрашивает:

– Это, случаем, не Скрыт?

– Да, Бродяга знает, что это! Я такое только у Старого Мамонта и у Сумрака и видел! – горячится маг Воздуха. – Немой, в конце концов, кто ты?

Я пожимаю плечами. Ребята, если бы я сам знал!

– А как ты это сделал?

Я вновь пожимаю плечами. Ребята, если бы я сам знал, то не стал бы от вас скрывать, мамой клянусь!

– Проклятие, как не хватает Разумника! – воскликнул маг Огня.

– Эх, ты махнул, Брат! – усмехнулся маг Воды. – Может, тебе ещё и Звезду Старого?

– Было бы неплохо! – насупился маг Огня.

– Его бы Брусу Чану показать, – задумчиво говорит маг Воздуха, прищурившись и внимательно рассматривая меня. – Слушай, Немой, а ты не согласишься проследовать за

нами? Для обследования. Мы заплатим.

Мотаю головой. И Лилия подключается:

– Этот человек нанят. А я спешу, уважаемые. У меня ребёнок болен, страж помирает, а Живчик не будет ради какой-то Властительницы Порубежья изменять свои планы. Сколько нас, а он – один! Потому долго мы будем топтаться тут? Пока не осквернеем?

Маги, бросая взгляды, полные сожаления и досады, поспешили к цели нашего пути. С каждой минутой Скверна сгущалась. И вот мы нашли то, что искали. Источник Скверны. И родник. Именно из родника, вместе с особой водой, истекала Скверна.

– Мёртвая вода! – ахнула Пламя. Все выливали воду из бурдюков, подставляли их под родник.

А я стал раздеваться. Плевать на стеснения, плевать на всё!

Разделся сам, стал избавлять от покрывал и бинтов бессознательного бойца.

Раньше его звали Суслик. Так его называл Пад. За характерный прикус верхних передних зубов и присвистывание при разговоре. Теперь-то с ним всё в порядке. Передние зубы выбиты, теперь – не присвистывает. Совсем молчит. И почти не дышит. Вот так вдвоём и заходим в студёную лужу, куда стекала вода из этого скверного родника.

Видя это, к озерку мёртвой воды устремились и Лилия с Падом, но бойцы Красной Звезды перекрыли им путь, не пу-

стили. И весьма напрасно я не заметил этого! Вода сковала тело жгучими ледяными оковами. Набираю воздух в грудь, зажимаюсь, окунаюсь с головой, окуная и Суслика. Только после этого меня начинает бить озноб. Всего – с головы до ног. И раненый стражник бьётся в моих руках. С большим трудом выхожу из воды, опускаю заходящегося в агонии бойца на землю.

Он даже открыл глаза, осмотрел нас всех, хрипло и тоскливо взвыл. И – умер.

Проводив его душу глазами, взвыл и я. Я убил его. Я! Хотел спасти – и убил. Уже второго. Хотел, как лучше – получилось как всегда! Потому и выл, что получается у меня только убивать. Только смерть я несу! Только смерть!

– Почему вы не сказали?! – кричала Пламя. Смелая девочка.

– Никто никогда не использовал мертвую воду – так, – пожал плечами маг Воды. – Откуда нам знать? Немой же живой?

– Мёртвая вода не лечит, – добавил маг Воздуха, – а лишь заращивает раны. Не исцеляет, а лишь ускоряет восстановление. У вашего стража, властительница, слишком много было серьёзных ран. На их заживление у него просто не хватило жизненных сил. У нас, к сожалению, нет живой воды. Это бы спасло его.

И я снова взвыл. И побрёл к своим вещам. Пад, увлечённо заливающий свои раны мёртвой водой, видя, что я не в себе,

заткнул бурдюк, крикнул мне, потом догнал, схватил за руку, указывая на тело боевого товарища:

– Тут очень скверно! – говорит он. – Переродится! Избавь его от такой судьбы.

Смотрю на Лилию. Она – хозяйка этого тела. Ей решать. Девочка разбинтовала руки барыне, заливает водой из этого неправильного родника. Лилия глазами зовёт меня. Иду, как был. Мне так хреново на душе, что как-то стало не до стеснений и приличий. Женщина отсылает девочку прочь. А сама на ушко у меня спрашивает: надо ли ей подмыться этой водой. Уж очень она не хочет понести от тех насильников. Мотаю головой. Категорически мотаю головой. Можно, конечно, и так сделать. Только это будет на совсем и навсегда. А может, и не будет. Оказалось, что чутью моему верить нельзя категорически. А женщина разрыдалась. С какой надеждой она смотрела на меня! И как я не оправдал её надежд!

На бойцов Звезды не смотрю. Я их почти ненавижу. Высокомерные ублюдки! Опыт они ставили! Бабу и Пада не пустили, а нас с Сусликом – на эксперимент!

Всегда приятнее винить кого-то, а не себя. Причём тут эти бойцы? Моя вина! Я – убийца!

Беру штык, иду к телу. Пронзаю его в сердце. Да так, на коленях, и остаюсь, с ножом в руке, с прахом Суслика, прилипшим к мокрой коже. Слезы пробивают дорожку по лицу от глаз к щекам.

Некого винить. Во всём и всегда виноват ты сам. Только

ты сам.

Все уже собрались, меня ждут. Жестом подзываю Пада, показываю на свой нос, показываю, чтобы ударил, отсюда – сюда. Бьёт. Вспышка боли и пламени в глазах и голове. Падаю. Слёзы, сопли, кровь, звон и тошнота. Пытаюсь на ощупь вправить нос. Чьи-то руки, – а женские руки были только одни, – убирают мои руки, со скрежетом костей и невыносимой болью ставят нос на место, ведут меня, ослепшего от слёз и боли, к луже, окунают в лужу голову. Боль мгновенно ушла. Лилия смотрит на моё лицо, утирает его подолом своего платья, пальцами осторожно шевелит нос, кивает:

– Пошли! В Скверне не следует задерживаться надолго! Особенно детям!

И только тут мне становится нестерпимо стыдно – я же совсем голый! Страшный, изуродованный корявый полутруп... Деревенского дурачка. Никаких шансов! Даже призрачных.

Глава 5

С утерей бойца скорость нашего передвижения возросла. Потому как мы вдвоём с девочкой как раз весим, как Суслик. Ну она – ребёнок ещё, не отличающийся упитанностью, я вообще по теловычитанию мало чем от бродяги костяного отличаюсь. Рёбра так натягивают кожу, что чётко можно пересчитать, сколько раз эти рёбра были сломаны. А усиленная регенерация сожрала последние остатки плоти. Потому как жира на этих боках и не было никогда.

Едем все вместе, но – молча. Ну, я само собой. Немой же. Девочка вообще побаивается барыню. Ну а Лилия отрешённо смотрит вдаль, автоматически баюкая ребёнка. И так – до вечера.

На ночёвку не останавливались, а поддали газу. (Причём тут газ? Сам не знаю. Никто же не вонял.) Потому как рядом был какой-то город, к нему спешили, выбившись из графика этим истоком мёртвой воды.

Город... Не впечатлил. Мне казалось, город – это что-то более масштабное. А не пара десятков дворов, обнесённых заборами и насыпями. Но своим впечатлениям и ощущениям я уже не верю. И себе не верю. Я – лишь смерть. Всё, чего я касаюсь – умирает. Я – проклятие.

Зато ночевали под крышей. И мылись мы с Падом в особом помещении, как раз для этого выстроенном. Мылись,

конечно, после женщин. Потому как – барыня. Лишь подкидывали дрова в топку. И я делал вид, что не слышу, как женщина докапывается до девочки, расспрашивая её про её деда.

Криком выгнали нас прочь – накупались. Выходят. Розовые, мокрые, парные, аж дыхание у меня спёрло от мощи этого женского удара. Торопливо отвожу глаза. Вижу, Пад красный, как волосы Пламени. Не меня одного накрыло этим фугасным снарядом главного калибра женского обаяния.

Наша очередь. Напрасно я лил воду на камни, под смех напарника. Просто мне казалось, что должно быть много-много жарче. Чтобы уши в трубочку заворачивались. Аж всё тело чесалось, как хотелось самого себя избить распаренными ветками дерева с присушенными листочками. Какая чушь! Я точно сошёл с ума. Я – безумен! Тяжело это осознавать, невыносимо с этим смириться, но я – безумен!

Вымылись до скрипа кожи. Коросты запёкшейся крови с меня слезали лохмотьями. Местами – с отмёршей кожей вместе. Завернулся в простыню. Идём с Падом в нашу комнату. Женщина с девочкой и малышом – через стенку. А под нами – кони всхрапывают.

Что-то меня укусило. Я удивлён. А Пад ржёт. Паразиты меня признали живым. Нет, я им не благодарен за это, а зол на них. А когда я зол, все умирают. Когда не зол – тоже. Только вот паразиты на этом постоялом дворе больше никогда не приживались. Так получилось. Они мне мешали думать.

А думать, когда у тебя мозги деревенского дурачка, – занятие весьма нетривиальное, требующее предельной концентрации. Не надо меня отвлекать – прокляну!

Утром вся команда была бодра и энергична. Только вот городок этот не имел Гильдии наёмников. Никакой гильдии не имел. Даже зрителя не имел. Это вообще был теперь не город. Как не стало в нём необходимого минимума признаков города – не было власти, церкви и ратуши, не было тюрьмы и казначейства. Даже рынка не было. За всем этим надо было ехать на северо-восток. Куда мы и поехали, позавтракав и расплатившись за стол и кров с владельцем постоянного двора, что чуть не плакал, глядя на руки расплачивающихся с ним гостей. Видно, что у него проходной двор. Яблоку негде упасть. И торговое сальдо – загляденье.

Видно, что округа города отлична от Пустошей. Земля – другая. Но тоже – в запустении. И безлюдно. Говорят, из-за войны. Только кто, с кем и за что воюет не могу понять. Всё же тяжело быть дурачком. Но дорога между этим городком и райцентром много лучше. И ведь мы не идём, а едем. Потому в тот самый райцентр приезжаем ещё до заката.

Опять гоню Мертвяка подальше. Вот пристал! Не может, как прочие порядочные бродяги, пошляться по своим делам.

Бойцы Звезды покинули нас, ушли отмечаться в Гильдию наёмников, а мы – искать ночлег. Искали не долго, свободных мест – море. Пад говорит, что на всё скидки хорошие. Осмотрел наш номер. Ничё так. Ничё особенного, но лучше,

чем вчера. Ввиду того что только вчера отмылись, на мойне экономим. Ну, барыня экономит. Я-то вообще пуст, как моя же голова. При этом барыня тащит нас в трактир. Или как это называется? Прихорашивается при этом. Детей оставляем присматривать друг за другом.

Уже на входе в зал Лилия осматривает меня критичным взглядом и разворачивается прочь. Мы с Падом – следом. Мы вообще слуги. Хвосты этой женщины, подолы её юбок и шлейфы этих полос материи... Как же они называются? А пох!.. Главное, что барыня как хочет, так и виляет нами.

Портной в виду вечера – закрыт. А в виду полного отсутствия клиентов – и не открывался. Но как только Пад постучал в ворота, вежливо так и деликатно – обухом топора – и обозначил, за каким мы, собственно, припёрлись (именно такой вопрос был задан из-за ворот), ворота распахнулись, мужик и две бабы, одна – постарше и потолще, одна – моложе и тощее, закрутили хоровод вокруг нас.

У меня голова склонилась от удивления к правому плечу, да так и заклинило мне шею – Лилия пришла одевать меня. Был я польщён. Понимаю, что ей просто стрёмно быть рядом со мной, таким красивым до изумления, но всё одно – польщён. Могла бы и просто послать... прочь. Чтобы не смущал своей страшной мордой и корявым телом.

Соскучившийся по работе портной быстро снял мерки. Так как мой «язык» остался присматривать за младенцем, потому законодателем мод была женщина, с женским сво-

им упрямством не обращающая внимание на моё мычание и блеяние. Но как бы портной ни хотел быстрее обратить свои навыки в монету – ушли мы в том же, в чём пришли. И так же – хвостами идём за барыней, что осторожно обходит плюшки на дороге, приподнимая подолы платьев и юбок.

Сели за один стол. Лилия уже совсем махнула рукой на приличия и разделила стол с чернью – с нами. Потому как два стола в полтора раза дороже. А деньги штука такая – только кончаются, не появляясь вновь по утрам. Потому заказала сама. И даже выпивку.

– Слушаем, – велела барыня. – Нанимать воинов – дорого. Этак приедем в столицу, да можно коней разворачивать – ничего не останется. На моих красноголовых демонов надежды никакой. В отца пошли – гуляют, небось, до дыма коро-мыслом! А вот в попутчики кому напроситься – всяко удобнее будет.

Пьём вино, если это вино, едим, слушаем сплетни. С удивлением, вижу, как барыня заливается этой настойкой. Осаживаю Пада, что хотел опрокидывать кружки с такой же частотой, как барыня. Нахмурился и строго взглянул на него. Боец покривился, но – послушался. Меня, не барыню. Она уже порядком окосела, требовала, чтобы мы выпивали с нею вместе, но не отслеживала, сколько мы наливаем и что прикладываемся мы уже давно к пустым кружкам.

Когда всё было съедено и выпито, барыня притомилась. Зато на покойного мужа гнала! У самой губа не дура – вин-

ца-то выкушать без меры!

– Устала от бед и терзаний, сердешная, – вздохнул Пад, одной рукой беря барыню под локоток, другой – захватив недопитый кувшин, вместе со мной поднимая женщину и ведя её на выход.

– Зачем? – мотая головой и тщетно пытаясь сфокусироваться на ком-либо из нас, буробила Лилия. – Я – сама! Прочь! Мужики! Я мужу скажу! Он вас!..

От её слов заблестели влагой глаза Пада:

– По владыке Светогору тоскует! – вздыхает он.

Благо идти недалеко. Через улицу да по лесенке. При нашем приближении дверь гремит засовом и открывается изнутри. Пламя ждала нас. Стараясь не шуметь, кладём барыню на застеленную постель, разворачиваемся, чтобы уйти.

– Она тяжёлая, – пищит мышкой девочка. – Как я её раздену?

Жестом показываю Паду, чтобы шёл, остаюсь, помогаю девочке. Лилия, чувствуя, что её тормозят, грозилась нас выпороть и сдать мужу. А потом горько расплакалась, сгребя меня в охапку и прижавшись ко мне грудью, прикрытой лишь тонкой сорочкой. Называла меня Башней и стыдила, что я так жестоко обошёлся с ними. Приняла меня за своего любовника, с пьяных глаз. Хотя не за чёрта лысого! Ха! Как раз на чёрта лысого я больше похож, чем на её легендарного любовника-демоноборца. Ни ростом, ни телосложением, теловычитанием – в моём случае.

Пламя, постояв в растерянности, тоже расплакалась и ушла на свою койку.

А я так и стоял – на коленях, сжимаемый женщиной, вжимающейся в мою костлявую грудь, со сжимающимся сердцем, осторожно глядящий её по волосам изуродованной рукой, тихо мычащий что-то. От этих мычаний, от неловких поглаживаний женщина уснула. Но как только я попытался высвободиться – вцеплялась обратно, шептала:

– Не бросай меня!

Так и стоял, раскорячившись из-за негнущейся ноги. Ну, а что делать? Попытался прямо так – подремать в медитации, коль уж попал в капкан женских рук. А что ещё делать? Вино на мне совсем никак не отразилось. Женское тело под моими руками, этими самыми руками, вдоволь исследовано, признано неповреждённым, годным, мягким. Готовым к использованию. Только вот... Не могу я так. Не могу!

Вот по этому поводу и медитировал. Размышляя, пытаюсь разобраться в себе, в своих чувствах. К этой самой женщине...

Понятно, что она мне нравится. Даже предельно понятно – почему. Она – первая женщина, которую я увидел. И – как увидел! Запечатлел буквально. Но дело не в том, что она – женщина, а в том, что она – Женщина! Вот так вот – с заглавной буквы. От неё так и прёт Женщиной, сводит с ума! Рядом с ней остальные существа в юбках меркнут, становятся бледными, выцветшими подобиями Бродяг – неживыми

подобиями людей. Это и есть влюблённость?

Влюблённый Повелитель Нежити, Меченный Смертью, Несущий Смерть – разве не смешно? Мне – нет.

Вот в этом-то всё и дело! Дело как раз в том, что кому какое дело до моих чувств? Кто я? Тёплый Бродяга, чудом сохранивший сердцебиение и возможность с горем пополам мыслить. Урод, на которого взглянешь – прослезись, а к ночи встретишь – обгадишься и не уснёшь. А зачем чувства без взаимности? А какая может быть взаимность ко МНЕ от ТАКОЙ ЖЕНЩИНЫ? А?

Вот и посиди, подумай!

Скажи мне, кто твои близкие, кто твои враги – я скажу, кто ты! Кто её мужчины? Им памятники ставят, о них легенды ходят. Только такие мужи достойны её. Кто её враги? Демоны, Церковь, глобальные, властные личности, структуры, что заказали её, но зацепили лишь её детей. Не хило! Почувствуй уровень высоты бытия! А с другой стороны – великолепные бойцы и маги перед ней преклоняются. Куда она едет? В столицу. К лучшему лекарю Мира, по личному приглашению Великого Инквизитора, считай – Престола. Обоих Престолов – Мирского и Церковного.

А кто я? Мерзость, недоразумение, игрушка прихоти неведомых сущностей. Деревенский дурачок, безобидный и неопасный. Сломанный, не умерший, но и не живой. Так... грязь из-под ногтей! Никто. Даже не так – никто, а – ничто! Не «кто-то», а «что-то». Вещь, скотина, Бродяга, наконец!

Их же тоже штуками считают.

Да, я – в её объятиях. Но не моя это заслуга. Вино это виновато. Меня приняли почему-то за её любовника. Привиделось ей спяну. Да и жилетка я – поплакаться. Пада, вон, стесняется. А я вроде и не мужик. Мне оба мужских ядра... Да что уж об этом? То есть я и не мужик уже. По её мнению, видимо. И что, что у меня штаны чуть не рвутся? Видимо, считается, что всё это уже не должно работать. Можно, как подружке или подушке выплакаться.

И это – только первое. Первый повод похандрить. Второй – двойственность моих ощущений и предубеждений. Часть меня прямо трепещет от восторга, испытывая сладко-томные муки чувств. А вот другая моя часть просто категорически уверена, что любовь, любая, безнадежная, неразделённая и даже – разделённая, ответная, пылкая и сжигающая, крепкая и стойкая, вообще любая – лишь предвестник чудовищной боли. Такой боли, которую невозможно вынести, вытерпеть, выразить словами, да и просто осмыслить.

И с этим, моим мрачным и отчаявшимся Я перекликается ещё один повод похандрить. Я – проклятие. Я – Метка Смерти. Я – несу лишь Смерть. А я не хочу смерти не только этой Женщине, от которой всё трепещет во мне, но и этой девочке, этому малышу, что спит, разинув рот и пытаясь через пуговку носа, не хочу смерти даже Паду, который мне только попутчик, едва скрывающий ко мне сложную гамму негативных чувств – ненависти, презрения, отвращения, оскорб-

ления тем, что именно я, а не он... ну, многое. Многое я делаю, много каких ниш жизненных я занял рядом с этими людьми в этой комнате, а не он. Я даже не хотел смерти Суслику, Мертвяку, Мерзости. Но эти трое мертвы. Как и десяток других людей, которых я вообще не знал. Как и сотни тех, кого я ещё не знаю, но я уже знаю: они все – умрут. Из-за меня. Потому как я проклят.

Странный звук, выбивающийся из логики привычных звуков, отвлёк меня от размышлений, не позволив мне не то, что выработать решение, а даже проработать поле задач и подтекстов. А что за звук? Скрежет... Засова. Засов чуть сдвигается.

Казалось, кинжалы Лилии сами прыгнули в мои руки. Вытекаю из объятий женщины. В этот раз она не удерживала меня. Заспалась. Только вот... этот запах! Их крепкий сон вызван этим запахом. А я? И на меня почти не подействовало. Почти. Я же тоже задремал, расхандрившись. Медленно, чтобы не стукнуть каблуками, не скрипнуть досками полов, смещаюсь за дверь. Открывшись, дверь меня и прикроет.

Часть меня просто вопит, что это лиходеи, что их всех надо немедленно обратить в прах, «перемножить на ноль», «погасить», чтобы предотвратить угрозу гражданским – женщинам и детям. Потому как применение отравляющих газов – уже акт агрессии.

Но часть меня верит, что всё это – нелепые совпадения. Что запах этот и крепкий сон всех в комнате имеют какое-то

естественное происхождение, а открывающийся засов – совпадение. Кто-то перепутал комнату и теперь спьяну искренне недоумевает – чё за нах? И кинжалом через щёлки сдвигает засов. Бывает же? Во что угодно поверю, лишь бы не верить, что все люди – скоты, весь мир – помойка, а светило – просто шар горящего газа в неосмыслимой дали от меня. Так не хочется убивать!

Дверь, тихо скрипнув, отворилась, как я и рассчитывал, закрыв меня.

– Хозяйка? – вкрадчиво спросил угодливый голос.

Ну вот! Говорю же – попутали!

– Готовы! – говорит другой голос. – Быстро шмонаем и – валим! Твоя – мелкая.

Всё! Они вынесли себе приговор. Больше в моей голове нет сомнений. Лишь размышление – что с ними делать? Кубометр праха в комнате – неэстетично. Дорогим мне людям придётся дышать этой грязью. Потому штык так и болтается на поясе. Кровь лить – тоже. Ещё и утром, спросонья, да с похмелья – испугаются. Да и тот самый, мрачный Я настаивает, что бить надо аккуратно, но – сильно. И не оставлять следов. Настаивает, что нет человека – нет и проблемы. Тем более вопросов.

Рукоять кинжала с бесшумного замаха опускается на основание шеи того, кто распоряжался – «шмонать и валить». Я счёл его старшим, а значит, более опасным. Второму я просто вгоняю нос в голову. И даже немного удивился. Откуда в

этом тощем — кожа да кости — теле столько силы и скорости удара? Поднимая их за воротники — уже не удивился. Вспомнил, что я немного Бродяга, вспомнил, как я прыгнул тогда на несколько шагов, перелетев через насильника.

А вот куда их тащить дальше? К Паду, в нашу комнату? А как я попрошу открыть мне дверь? Выразительным мычанием? Деликатным постукиванием лбом в запертую дверь? Тащить их по лестнице через весь холл — на улицу?

Так, а как они тут оказались? Откуда? Тащу оба тела, как мешки, толкая плечами двери. Одна открылась.

— Ну? — спрашивает меня оттуда человек, вставая с лежанки. Пинаю его костяной, негнущейся ногой в живот, опрокидывая обратно на лежак, сверху накидываю оба тела, добавляю хозяину комнаты в висок кулаком, без размаха, так, как отмахнувшись.

Возвращаюсь по коридору, притворяю дверь в комнату Лилии, иду обратно к уродам. Связываю их, один помирает. Тот, которому я нос загнал в мозг. Чтобы сила не пропала напрасно, пускаю его на пепел штыком.

Ух! Аж в глазах рассвело. Хорошо-то как!

Тот, которому я висок погладил, уже очнулся, выпучив глаза, воет — в кляп в своём рту.

Подношу ему штык под нос и прикладываю палец к губам. Икает, но — затыкается. Приставляю штык к его паху, выдёргиваю кляп.

Нет, я тут совсем ни при чём! Это я про то, что приношу

смерть, что я – проклятие, и беды потому льнут к нам. Они просто увидели гражданочку, что прикинута не по охране, а замашки барские – холуя одевает у портного, причём дамочка с головой совсем не дружит.

Тут я не мог не согласиться – это так!

Так вот, барыня, по их мнению, рамсы попутала, живёт не по понятиям – с холуями за одним столом сидит, напивается вдрызг, не обеспечив собственной безопасности. А значит – что? Что она – глупая. И деньги всё одно потеряет. Не сегодня – так завтра. Глупцам деньги не нужны. Они им достались несправедливо, случайно. И просто обязаны перейти в более надёжные руки, которые лучше знают, как тяжко деньги даются. И как и на что их следует потратить.

Когда пошла песня про то, что у них – семеро по лавкам, а ещё столько же – под шконкой, что не они такие, а жизнь такая, протыкаю ему артерию кинжалом и припадаю к его грязной шее, как к пробитому шлангу. И глотаю, глотаю, захлёбываясь. От восторга – тоже. Пока тело в моих руках не уткло меж пальцев серой взвесью.

Третий тоже очнулся, сучит ногами, мотает головой. Вынимаю кляп – мне же интересно, чем он будет выкупать свою никчёмную жизнь? Переселят ли его слова ту жажду, что вызывает во мне его кровь? Одной энергией сыт не будешь. Обычная пища не даёт мне того объёма строительного материала, что требуется для ремонта моего тела, истощённого чудовищным объёмом регенерации, восстановления це-

лостности этого тела, дисбаланса внутренних энергопотоков межрасовым кровосмешением. Да-да, потому Краснозвёздные и называли меня выродком, что я – не совсем человек. А помесь человеческой и ещё какой-то крови.

Ах, запасы конфискованного у несправедливо наживших? Вор всё же заинтересовал меня. Ну-ну, допустим! А если я ещё немного загадочно помолчу? И поиграю штыком перед его носом? А около паха? Давай, соловушка, пой! Ты живёшь – пока поёшь. Лекарь сказал – в морг, значит – в морг!

Глава 6

Это утро – правда – доброе. Мычу про себя, как утро красит стены древнего кремля. Настроение – имеется. Вот вроде и убил целую кучу народа, а на душе – светло. И в мешке – звякает. Соловей-соловушка за право подышать до утра сдал мне всё, что знал, и всех – кого знал. Теперь этих... не знаю даже, как их назвать – с собаками не найдут. Не-не! Всех подряд не аннигилировал...

Во какие слова высказывают, когда сила-энергия чуть ли не из ушей выплёскивается! Мне бы сейчас вздремнуть в медитации, силушку эту, заёмную, направить на перестройку мозгов – своих и того бедного младенца, что стремительно деградирует, запертый в своём собственном неразвитом подсознании. Аутистом мальчик растёт. Растением комнатным.

Одним словом, прорядил я воровское сообщество этого городка. Именно в таких случаях уместна пословица: меньше воров – больше жизни для работяг. Нет, что-то я напутал в определениях. Суть-то такая, но – не звучит.

Но припозднился я с прополкой города от сорной травы. В том смысле, что ночь уже давно закончилась. Вон, портной стоит, мнётся. Машу ему рукой. Нет, не улыбаюсь. Учёный уже. Обсерится и убежит. Или – сердце прихватит. Ему уже на пятый десяток пошёл – почтенный возраст, для Мира. А мне он нужен. Я как тот самый Бродяга – грязный, рваный.

Вымазался да оборвался весь, пока за тайниками воровскими лазил да самих их ловил. Вот же звери! Чужали меня издали чутьём каким-то звериным – сквозануть пытались. Хорошо, я прыгаю далеко и высоко. А то бы ушли. Гадить дальше. А я не люблю, когда после меня не прибрано.

Город ещё спит. Это хорошо. Меньше глаз. Хотя я сильно не ободряюсь. Моё мрачное Я говорит, что всё это – большая деревня – все и всё видят и слышат. И ещё помню, что деревня всегда встаёт засветло. Ну, я надеюсь, нам не придётся возвращаться в этот городишко. Раздеваюсь, безжалостно дорывая своё тряпье, моюсь из бочки, куда натаскал воды из колодца парнишка-конюх. Эта бочка у него для естественного подогрева воды приспособлена. Парень хмурится. А я что говорил? Деревня уже на ногах! Ногой двигаю к нему обрывки своей одежды. Ну, хоть – ветошь. Подтереться там, полы вымыть. Парень светлеет лицом.

Портной помогает мне одеться согласно последней моде этих краёв. Мне не нравится, но моё мнение не учитывается, потому – без вариантов. Позвенеv мешком, достаю горсть монет и протягиваю портному. Надо же какой! Копаются в монетах, отсчитывает только столько, сколько считает достаточным. Кланяется, собрался уходить, но я не пускаю. Бросаю красную монетку конюху, показываю, что нам с портным очень хочется промочить горло. Ну, потираю себе кадык привычным жестом. Парень понял, кивает, но говорит: – Этого мало, господин! Не будете же вы пить недельной

давности пиво?

Согласен. Протягиваю ладонь с монетами. Парень отбирает нужное количество, лукаво улыбается:

– Благодарю за вашу щедрость, господин! Я взял и себе на кружечку. Недельного. Ваши кони будут готовы первыми!

Застёгиваю португую поверх всех одежек, веду портного в холл нашего постоялого двора. Тут имеются лавки и столы. Только кухни нет. Кухарка – жена хозяина – померла этим годом. А сам он готовит так хорошо, что благоразумно всех отсылает к конкурентам через дорогу. А детей мужику Триединый не дал. Бывает!

Выпили с портным по кружечке какой-то бурды. Ничем не лучше недельного пива. Хотя, если это же, но киснувшее без холодильника неделю – бр-р-р! Портной долго благодарит, кланяется, желает нам всего-всего, да поболее-поболее! А приятно ощущать себя падишахом. Хоть и на час.

Расплачиваюсь за постой и услуги конюшни с хозяином. Потому как легко пришло – должно уйти быстрее визга, чтобы карму не изговнять. Так вот, хозяин, ощущая вес монет, стал такой проницательный, что понял все мои жесты – до единого. И побежал к закланному другу – сопернику – конкуренту, через дорогу – за нашим завтраком. Платил-то я вперёд. И сделал вид, что и не догадываюсь о связи хозяина нашего крова с исчезнувшими уродами. Потому как он уже наказан. Не сама его супруга убралась. Не сама. Помогли ей. Вот и трактирщик боялся, что помогут и ему освободить по-

мещение. Стучал. А жить-то хочется. Даже в страхе и мерзости. Ему. А кто я, чтобы судить его? Надеюсь, больше не увидимся.

А я пошёл будить моих попутчиков. Пад страдает с похмелья. Как он думает.

– Ты выглядишь до тошноты бодрым! – приветствует он меня, подвинувшись, пропуская меня в комнату женщин.

А как страдает Лилия! Ещё бы – на похмелье ещё и отравление неведомым сонным газом. Пламя – смурная. Мальчик – кричит. А мать – злюка – не даёт ему к груди присосаться, не хочет его продуктами похмельными кормить. И все – на нервах. Ещё бы – проснулись – ветер гуляет через распахнутые окна, двери не заперты, меня нет.

– Ты где был?! – строго шумит Лилия, вставая в классическую позу – руки в боки. Только вот карикатурно это выглядит. Да и тубетейки у меня нет. С похмелья – мятая, со сна – всклоченная, спросонья – теплая, распаренная, груди, полные молока, натянули тонкую сорочку, торчат острые пики, по которым соскучился малыш. На просвет окна её сорочка совсем прозрачная, будто и нет её вовсе – все линии и выпуклости как в зеркале. Столько детей выносила, а талия – имеется. И животик – вполне себе. Животик, не брюхо. А она ещё и ноги расставила, как сержант в учебке.

Прочитав все эти мои мысли, Пламя заливается звонким смехом, утыкается в подушку. Плечи её ходуном ходят. Барыня поняла, что сморозила, стала выталкивать нас с Падом,

тянущим шею через моё плечо, прочь, ворча что-то грозное, но – неразборчивое. Чуть упёршись, успел закинуть мешок в комнату, развернулся, развернул Пада, его же рукавом вытер ему рот. И у кого из нас неконтролируемое слюноотделение? А?

А тут и завтрак поспел. На запах прибежала Пламя. Сооб-разил я ей на поднос – кружку опохмельную и закусь. Убе-жала наверх. Ну, теперь сборы ускорятся. Почему-то я знаю, что одевающуюся женщину ждать – уснёшь, как заскучаешь. А им надо ещё и мешок перебрать. А бабы что сороки – на блескунее падкие.

Удивила меня барыня! Ох и удивила! До – похудения! Со-бралась, как боец хороший! Знал бы – спичку бы зажёл, что-бы засечь время.

– Откуда?! – шипит, яростно сжигая глазами.

Пожимаю плечами, тыкаю себе в грудь. Сборы были мол-ниеносными. Я даже удивился сей поспешности. Лишь про-гнав в очередной раз с глаз долой Мертвяка, но уже за тына-ми городскими, понял – за вора меня приняли. Спешат сбе-жать, пока хозяева погремущек не рюхнулись. И не стоило так нервничать! Они уже не рюхнутся!

Пад настёгивает коней, летим как на крыльях. Одни. Не стали ждать попутчиков. Вот тебе и вечерние планы!

Все на взводе. Косятся на меня. Вдыхаю, пересказываю девочке ночные события. Под охи и ахи она – озвучивает. Пад перестал издеваться над животными. Они, вон, вспени-

лись аж!

Вроде отпустило их. Вот только мы одни на пустой утренней дороге. Ну, не считать же вонючку Мертвяка попутчиком?

Достаю давешнюю заготовку, всунутую в телегу утром, начинаю подтачивать наконечник двухметровой деревяшки кинжалом барыни. Косится, подмывает её спросить, как я достал её кинжал, если они у неё под юбками, на бёдрах закреплены были, но – молчит. А я продолжаю – естественно, молча – строгать шест деревянный. Ночью выяснилось, что моё копьё из дерьма сделано. Наконечник затупился об череп человека. Даже не об броню! Идти с таким в бой – предаваться самообману. Потому я снял наконечник и теперь подтачиваю древко копья, чтобы насадить на него штык. Штык как будто для этого и предназначен. Хотя почему – как будто? Я вдруг понял, что так и есть! Он потому и штык, что надевается на... что-то. К чему я это всё? А к тому, что от неприятностей в дороге придётся отмахиваться самому. Раз уж мы так поспешили продолжить путь – рассчитывая только на свои силы.

Работаю, делая вид, что не чувствую взглядов на меня. А я чё? Я сам охренел! От наглости воришек.

Когда светило уже поднялось высоко, стали нервничать из-за пыли за нашими спинами. Но благо мощь ауры Силы магов я узнал раньше, чем мы их разглядели. И на том успокоились. Пятёрка самых сильных бойцов, что я видел, вну-

шала чувство защищённости.

Естественно, Краснозвёздные спросили, почему мы сорвались, как ужаленные под хвост? Барыня наша, молодец, не растерялась, сказала, что – спешим. И это – так. Не поспоришь.

Ну, а раз так – стал я дремать, клюя носом, под мелодию разговоров барыни с магами и бойцами Краснозвёздными. Лилия, как её отпустило после нервного напряжения, болтливая стала. Ну, пусть поговорит. Для бабы молчание – пытка. А я покемарю.

Потому как Лилия права – надо спешить. Малец совсем слабый. И совсем не факт, что даже самый искусный маг сможет что-либо сделать, если процессы станут безнадёжно запущенными. Вот и сижу, пытаюсь разобраться в тонкостях этого хитрого, на первый взгляд, слабого проклятия. Я даже не сразу и заметил, что это именно Проклятие. Перепутав причину и следствие. Стал лечить мозг малыша, а не источник ослабления головки этого бедняжки. Но сегодня, переполнившись Силой, увидел всё несколько иначе. Это – Проклятие. И над этим надо хорошенько подумать.

И настолько я ушёл в этот процесс, что прозевал Мертвяка, не отогнал его в очередной раз. Заклинание одного из магов разорвало мою игрушку – в клочья. И это меня так расстроило, что долго-долго матерился. Молча, мысленно. Под хихиканье девочки.

Вот ведь зараза! Ох и ловка! Верно – ушки на макушке!

Мысленно показал ей образ, как костлявыми лапами Бродяги тяну её уши на макушку, вытягиваю их в ленты и завязываю бантиком. Всё одно – хихикает. И даже дразнит меня, показывая кончик языка. Зная, что мне похвалиться нечем.

К вечеру стали попадаться на дороге путники и целые поезда. Наконец-то мы вошли в обжитые более или менее земли. Лилия говорит, что теперь – надо быть ещё внимательнее и ещё больше бояться. Люди хуже и страшнее Бродяг и Тварей. Не стал спорить. Тем более не сумел бы, даже если бы было что возразить. А мне – нечего было возразить. И не хотелось – сам думаю так же. Люди – хуже Тварей!

Во все глаза смотрел на пейзажи вокруг. Деревья, кривые, больные, но – живые, клеточки полей и садов, ограждённые сложенными без раствора каменными стенами или лесополосами, сторожки пэпээсников, патруль в единой униформе, селяне, трудящиеся над своими делами. Аж душа радуется. Детишки, что гоняются друг за другом и гоняют скотину, тощих коров и прыгучих коз, брехучие тощие собаки, при виде нашего экипажа визжащие и прячущиеся за ноги хозяев. Лепота, да и только!

Потому – дни пролетали незаметно. Постоялые дворы слились в один обезличенный ночлег. Городишки – в одну обезличенную деревню. Пока не выехали к городу, сильно отличному от этих блокпостов придорожных.

Этот город был похож на город. Насыпи, стены, башни, мощёные улицы, солидные здания – символы города –

Городской зал, храм, детинец, оружейная, казначейство. И огромная площадь, судя по стоящим прилавкам – рынок. И целые улицы, специализирующиеся на ремёслах, с магазинами, мастерскими и домами мастеров. В окнах выставлены комнатные растения в горшках. Правда и горшки не цветочные, а – ночные, выплёскиваются также в окна. Потому – воняет. Хотя улица устроена с ливневыми стоками. Она же – канализация.

Краснозвёздные советуют нам ехать с ними и селиться под крышей ведомственных помещений их корпорации – Гильдии наёмников. Лилия сомневается. Убедили её наёмники упоминанием близости к центру города, умения поваров Дома наёмников, их умеренными расценками и – баней, с недорогой прачкой. Хотя – только на днях мылись. Я – вообще – утром. В реке. Остальным речная вода – холодная, но мне пойдёт. И одежда моя – новая. Почти. Даже не воняет. Стирал, анадысь. Пыль дорожную только стряхнуть.

Разместились. Конюх сразу же стал конопатить мозг бедной женщине, утверждая, что коням пора менять масло и шины, и вообще у них – лошадей наших – перепробег по техобслуживанию. Как же я был горд, когда барыня наша, упревая кулачки в бока и выпятив грудь – набрав воздуха в неё – в течение десяти минут, ни разу не прервавшись, размала конюха по навозу, аргументированно доказав, что владельцы Порубежья в лошадях разбираются не хуже конюхов Волчьих! Крайние минуты три она, правда, сплошь че-

сала по генеалогическому древу конюха, красочными эпитафиями наградив каждого из его предков, через одного высказывая уверенность, с каким именно животным грешила та или иная жена.

Как по мне, переходить в споре на личности – не очень красиво, но конюх пожирал вдову Медного Властителя влюблёнными глазами. Вместе со всей обслугой этого гостиничного комплекса – всеми этими навозочистами, стряпухами, хлебопёками, прачками, мойными девками и поломошками. И наши попутчики – Краснозвёздные – с искренним восхищением любовались этим представлением. А потом – все пятеро – хлопали в ладоши, с лихим свистом.

Потому приветствовать нашу барыню прибежал сам глава Дома Гильдии, сразу огласив солидную скидку за комнаты – за право упоминать, в каком именно номере останавливалась сама вдова Медного Властителя. Конечно же в самом дорогом из имеющихся. Но из-за скидки – цена даже ниже вчерашней ночёвки.

Ну и мы с Падом – через стенку. Потому мойня отменилась. Номер был двухкомнатный. Во второй комнате, поменьше, чуланного вида, но с вытяжкой духовой, стояла каменная ванна, шустро заполняемая горячей водой мойными девками. Пад – мнётся, стреляя глазами то на меня, то на молодых, сочных, распаренных девок, так упревших таскать воду, что подолы юбок заткнули за пояс, а груди чуть из выреза платья не выпрыгивают. Понял, хоть и дурак. Вклады-

ваю в ладонь бойца две серые монетки, оставляю его принимать водные процедуры.

Спускаюсь, в растерянности не зная, что мне делать, чем себя занять? Но решил глаза полупить – посмотреть, как люди живут. И уловил какой-то знакомый, резкий и терпкий запах. Неприятный, честно говоря, запах, но с сильным откликом где-то в глубине меня, ностальгическим. Иду, как собака поисковая, ведомый нюхом. И прихожу в помещение, где полураздетые мужики, мокрые от пота, мутузят друг друга чем ни попадя, даже палками. И чему я так обрадовался? Ума не приложу. Сам себя не понимаю.

Конечно же меня заметили. Мою гармоничную фигуру, обворожительное лицо, великолепную причёску. Простое и бесящее – глазают. Как – кивают мне, но медленно. А-а, это такая форма поклона-приветствия!

Но меня не отпускает странное моё моральное состояние. Какой-то щемящей, ностальгирующей восторженности. Потому – пожираю глазами зал, тренажёры, спортсменов (ух, ты – слова-то какие!). Руки чуть ли не сами начинают стаскивать с меня ремни, куртку, кафтан, шарф. И вот я в одном исподнем – в нижней рубаше и подштанниках. И – замер. Потому как под этими взглядами выпал из того морального состояния ностальгии и теперь не знаю, что делать.

Что делать, что делать? Возвращаться в то же состояние сознания! Потому – закрываю глаза, дышу, растворяюсь в ритме биения собственного сердца. Тело начало двигать-

ся. И всплыло, что это называется «разминка». Ну, разомнём. Или – разомнёмся? А-а! Не суть! Плавные, размашистые движения, похожие на медленный танец, были приятны. Только вот скованное тело, ограниченность подвижности конечностей не позволяли насладиться этим «танцем», причиняя мне довольно серьёзную боль.

Поняв, что у меня так ничего и не получается, остановился, открыл глаза. И сначала даже удивился, что на мои потуги смотрит только один человек. Но потом понял, что своим вторжением в этот зал я – чужак – привлёк внимание, потому и глазели. А начав «разминку», я был признан «своим». Соответственно, интерес пропал.

И этот, единственный, что смотрел на меня – делал это, как он пояснил, из профессионального интереса. Лекарем представился. Ведомственным. Хотя магом не был. Лишь одарённым. К Жизни, и чуть-чуть синела Вода.

Наёмничество – стезя трудная, опасная и травматическая. Потому опыт у лекаря Гильдии большой. Вот он, присматривающий за вознёй бойцов, чтобы сразу же и помочь, если потребуется, издали увидел, что я – его клиент. Попросил разрешения осмотреть меня. Ну, а что запрещать? Мне самому интересно.

И лекарь стал на ощупь мне рассказывать, что у меня было сломано, как неправильно срослось, и что именно, да – почему из-за этого – не работает. И тут же – что он может выправить, а что – нет. Мастер!

Ну, а я – на каждый его пункт – выставлял только два вопроса: стоимость и сроки лечения? И качал головой. Нет у меня дней, а тем более недель – на слом и правильное сращивание костей, на растяжение и сращивание сухожилий, на удаление костяных наростов и соляных отложений. У нас – сроки, мы – спешим. Сердечно благодарю, собираю свои вещи и иду в опочивальню, шаркая ногами. Разминка что-то сильно притомила меня, а лекарь так намял всё, что всё, что было – болит и ноет.

Дверь открываю ключом. Возня под простынями застывает. Бросаю одежды, иду в ванную. Ещё дверь не закрыл – хихиканья и возня продолжились. Вода остыла. Но всё одно – приятно. Просто полежать полностью в воде. Входит девка. С вёдрами кипятка. Не открывая глаз, показываю, чтобы лила на ноги. Хорошо! Чувствовать себя живым!

Но! Не настолько! Дёргаюсь, расплёскивая воду! Не надо! Даже массажа! Нечего мне массировать! Мясо с салом ещё не успело нарасти на моём скелете. Жестом и взглядом указываю на дверь. Продажная любовь – как глоток из придорожной лужи! Не хочу! Мне не требуется. Не жмёт и не тянет. И никакой токсикоз нигде не доставляет забот. Живодёр позаботился.

Глава 7

Дом наёмников проводит званый вечер. Или что-то вроде этого. Светло, шумно, представительно. Сытно и пьяно. С первого взгляда заметно, что горожанам так опостылела унылая обыденность, серая жизнь военного времени, что народ с радостью ухватился за повод разогнать скуку. Люди принарядились, а чтобы совсем не разорить главу Гильдии наёмников, тащили с собой домашние запасы и приходили уже прогретые радостным предвкушением вечеринки и со своими кувшинами веселительного литража.

Барыня наша – на месте почётного гостя. Рядом с местной барыней теперь сидят, склоняясь друг к другу, сплетничают.

Я – сзади, как и положено слуге и телохранителю. В тени колонны. Прячусь. Все же – красивые, нарядные. Натягиваю бандану – поглубже, шарф – на лицо, повыше. Не надо людям праздничное настроение поганить нелюбезными личностями. Мне и тут, в тенёчке, тепло, всё видно и всё слышно. От охраняемого объекта – в шаговой доступности.

В зале имеется небольшой помост, на котором сейчас что-то вроде ансамбля художественной самодеятельности бренчит инструментами и заунывно поет о героях былых времён, о которых не осталось порой имён. Ну, а как назвать это, если у них по ходу баллады герои по несколько раз назывались сказителями разными именами? Пламя с широко раскрыты-

ми глазами пожирает сцену глазами. Она лично знает почти половину воспетых многоликих героев. И, чувствую её эмоции и обрывки мыслей – поражена тем, что не догадывалась, что такие близкие её родственники – чуть ли не боги!

Ну, а как по мне – плохо. Музыка – убогая, исполнение – такое же. Самого текста – не трогаю. Ибо не разбираюсь. Для художественного текста – бред и сплошная несвязуха, для промывания голов черни... Ничего я не смыслю в методах пропаганды и прочих средствах массовой дезинформации и оболванивания этих самых масс и промывки их, массовых, мозгов.

Сам – дёрнулся аж! Иногда такое в голову приходит – хоть стой, хоть падай!

Тусовка мне – тоже не интересна. Ни сплетни, ни острожные прощупывания настроений, намерений и отношений сего представительного собрания меня не колышут. Вино меня не берёт, вкус напитков я не нашёл интересным, наевшись, точнее – набив бурдюк, что встроен в моё тело и именуется пищеводом и пищеварительным проспектом, и к столу интерес потерял. Нет, не «проспектом». Трассой? Трактом? А-а! Не суть! Муторно это – принимать пищу моим набором дантиста-живодёра. Прямо сейчас, здесь, на Лилию никто не собирается нападать, ну, конкретно тут – убивать её. Потому мне – скучно. Медленно погружаюсь в дремоту и оцепенение. В спящий режим.

И в этой полудрёме – зал изменился. Люди – уже и не люди

вовсе, а сгустки энергетических потоков. Перетекают, пульсируют. Забавно. Энергия течёт по помещению, причудливо, вытекает прочь, заходят другие потоки. Сюрреализм какой-то. Зато вижу – какие сгустки пульсирующих потоков энергии тянутся друг к другу, какие – связаны, какие – вообще – синхронизированы. А какие сгустки – с несовпадающими частотами энергопотока. Такие вызывают неприязнь друг у друга, будут взаимно исключать друг друга, гасить. Или один, более сильный поток изменит частоту мерцания другого, подавив, поработив.

Вот и у меня так – разом два потока во мне. Несовпадающих. Равной силы. Было. И я теперь занят как раз подавлением одного из них, изменением его частоты. Но это так, фоновое, так сказать.

И наблюдение за этими мультиками оказалось более увлекательным занятием, чем имеющаяся культурная программа.

Наконец, этот томный вечер завершился. Сопровождаем барыню в опочивальню. Лилия выжата, будто весь вечер проводила битву. Так оно и оказалось – начинает причитать, жалуется. Весьма сложные и важные переговоры она проводила с исполняющей обязанности главы Дома Волка, вдовой внезапно умершего Старого Волка, матерью внезапно убившегося на охоте, напоровшегося глазом на сломанную ветку – Молодого Волка, матерью номинального Главы Дома, ещё не закончившего обучение в Университете, Волчонка.

Странно. Старая Волчица тяготела к Лилии Медногорской, испытывая искреннюю симпатию к моей барыне. Энергопотоки мне это рассказали, показали. Но личные симпатии – вещь малозначимая, хотя и значимая.

А переговоры проводились... Как это говорится – по разделу сфер влияния и прощупывания взаимных интересов и намерений. Просто между полудикими, но гордыми Домами Западного Порубежья и Княжеством Волка – Княжество Гороха. После внезапной, таинственной и вроде как случайной гибели всей семьи Гороха княжество приходит в запустение. Ну, это я и сам видел. Народ массово мигрирует под более надёжную руку. Земли Гороха и хозяйство слабеют. А этого допустить никак нельзя! Естественно, что если не объявится наследник и не возьмёт дела под свою руку, Княжество Гороха растащат по своим наделам, ленам и владениям соседи. Да и если и объявится – пока дела примет, пока рука утвердится – соседи отъедят себе деляночки, перемежут разделительные полосы.

Так вот – столь тяжёлые предварительные прощупывания завершились к взаимному удовлетворению. Завтра новый раунд переговоров – Старая Волчица даёт приём у себя. Как раз будут проводить предварительные согласования. Хотя Волчица и сделала Медногорской Властительнице намёк на предложение неслыханной щедрости. Вроде как и невинно, по-женски, обсудили завязавшуюся во время учёбы дружбу старшего сына Лилии и второго сына Волка, Волчонка, и по-

смеялись над интрижкой Медногорца с третьим ребёнком Старой Волчицы – дочерью. А это уже – намёк на брачный союз двух Домов. А неслыханная щедрость в том, что Дом Медной Горы – на два порядка ниже в официальной табели о рангах, чем Княжеский Дом Волков.

Вот тебе и личная симпатия двух вдов, и – школьная дружба с юношеским перепихоном – их отпрысков.

Одно расстраивало – никуда мы завтра не едем. Будет очень глупо, по-хамски, если Лилия проигнорирует недвусмысленное приглашение Дома Волка на вечерний званый ужин.

И – маленький пунктик. Зачем мне, немому дурачку, ба-рыня вываливает весь этот расклад? Ни посоветовать не могу, ни посочувствовать. Согласно официальной легенде я вообще – слабоумный. Меня можно даже не стесняться, переодеваться при мне, журчать в каменные удобства, принимать водные процедуры, расчёсывать свои волосы... бр-р-р! Пробирает! Засыпать под моё мычание минусовых колыбельных, прижимаясь ко мне грудью, выкормившей красно-волосый выводок, под тончайшей сорочкой.

Кто я для неё? Питомец? Как ручная собачка или как кастрированный котик? Или плюшевый мишка, которого уронили на пол и оторвали лапу, но всё равно не бросают, потому что он – хороший, привычный. Вещь!

Ну, а раз мы никуда не едем, то утром пошли на... ох, какое слово всплыло похабное – жопинг. При чём тут кормо-

вое седалище? Как оно связано с торговлей? Бред!

Естественно, в «женские» ряды. У барыни приподнятое настроение. У неё начались циклические сложности. Вот она и радуется. Рада, что не залетела, хотя очень этого боялась. А у женщины что радость, что горе отмечаются одним способом – новыми шмотками. Но так как у нас не просто женщина, а отягощённая бременем власти, а это, как говорится, накладывает свой отпечаток на мозги, вызывая профессиональную деформацию личности, то шмотки покупаются не столько себе, сколько подведомственному персоналу – нам. Пламя пылает аурой, чуть не спалив новое платье и сопутствующую мелочёвку – платочки-шляпки разные. Кинулась на барыню, расцеловала всё, куда попали её губы, а потом – разревелась. Бабы! Мокрая душа. Слезы льют по любому поводу. И без повода – льют.

Паду перепала новая кожанка из красной кожи. Я себе выбрал новый шарф и шляпу с большими полями – вместе почти полностью скрывают лицо. И – перчатки. У меня регенерация пошла совсем палевная – огрызки пальцев чешутся. Как бы ни получилось истории с хвостом ящерицы. Да и вообще, хорошие перчатки – штука незаменимая. В нелёгком деле охраны и безопасности труда. Хм! Похоже, что последнее слово случайно прилипло. В деле охраны и безопасности... Барыни. Да, так лучше!

А ещё мы посетили обе лавки знахарок-травниц. Типичные колдуньи. Связки трав весят, разные куриные лапки.

Ужас! Готический. Оказалось, что женщина – всегда женщина. Мази, кремы, косметика. Ох, блин! Мне покупают какую-то мазь, что должна вылечить мои волосы на голове и подбородке, чтобы они стали волосами, а не рыбьей чешуёй. И для кожи. Вот это перебор! Мычу – яростно! Обойдусь! Смеются. И, издеваясь, складывают в ту же корзинку тушь для ресниц, зубной порошок, помаду для губ, румяна... не знаю, для чего. И – ржут. Понял я уже ваш юмор! Добавляю в корзину шпильки и заколки для волос, банты, выдёргивая их из причёски Пламени, а потом – по-волчьи скалюсь им в лица осколками зубов. Улыбка у меня такая.

А кто говорил, что я добрый котик? Могу и зашипеть, цапнуть, даже – исцарапать. Одним словом – испортить настроение и причёску. Отстали от меня, шутники доморощённые.

А дальше пошли мы на рабский рынок. Ну, а как назвать место, где людей продают и покупают? Не называя это тем, чем оно и является. Людей продают, как скотину. Лилия заинтересовалась юной девочкой, примерно возраста Пламени. Заглядывает ей в глаза, щупает волосы, заглядывает в уши, смотрит в рот – на язык и зубы. Оценивает состояние ногтей и кожи ладоней. Будто козу покупает. Хм-хм! Кхакха! Я даже закашлял – девочку зовут Бодливая Коза.

Барыня пытается вопросами продавца, думая, что это отец девочки. А энергопотоки у них – разные.

«Скажи ей, что он – не отец этой драной козы. Он – перекуп!» – тронул Пламя, чтобы привлечь внимание, передаю

я. Пламя также трогает хозяйку, встаёт на цыпочки и шепчет ей в ухо.

И это сразу меняет тональность торга. Слова Лилии, обращённые к перекупу, полны холодного презрения, обращённые к девочке – равнодушно-вопросительные. Как при разговоре с той же козой.

Лилия велит девочке раздеться, прямо тут, в толпе людей – осматривает и ощупывает её живот, намечающуюся, ещё твёрдую, как каштан, грудь, плечи, позвоночник, раздвигает ягодицы и суёт руку девочке между ног. Надо ли говорить, какое у меня было лицо? Девочка-рабыня закусила губу, чуть не плачет. Не потому, что ей стыдно или больно, как я ожидал, а потому что покупательница, барыня наша, жестоко бракует её по всем позициям. Всё в девочке плохо. Очень плохо. Хотя, как по мне – вполне здоровая и ладно скроенная девчушка.

И опять я чуть не задохнулся в кашле: девочка-то – уже не девочка. Подхожу, без замаха бью в лицо перекупу. И ногой – в упавшее лицо. Тварь! Она же ребёнок ещё! У неё даже первичные половые ещё не выросли! Поиграл – решил продать? Убил бы, если бы Пад не оттащил меня!

Прибежавшей страже Лилия объясняет ситуацию. Под крики и ропот возмущённой толпы вокруг. Барыня готовит штраф – выкуп за моё хулиганство. Но старший наряда добавил сапогом по морде перекупу, поверх моего, стража хватает уroda и уволакивает. Девочка так и стоит, целя то в ме-

ня, то в Лилию, то в начкара острыми грудями с сосками, затвердевшими, как наконечники алых стрел, от страха и холода.

Начкар посмотрел на девочку, на Лилию, утвердился, что девочка теперь под надёжной рукой, склонил голову в почти-тельном жесте и пошёл вслед за своими людьми.

– Как тебя называла мама? – спросила Лилия у девочки.

– Боза, – дрожащим голосом проблеяла та в ответ. – Мамы больше нет. Никого – нет.

– Одевайся, Боза, – махнула рукой барыня. – Служи мне честно. И будет жизнь твоя хорошей. А худое удумаешь – ему отдам, – Лилия махнула на меня рукой. – Немой, улыбнись!

Зря она так. Девочка же икала потом почти час. До самой казни.

Глава 8

Это такое местное развлечение. На главной площади города готовят сцену. К полудню на площадь стекается народ. Массово. Сцена образована столбами, что щедро обкладывают вязанками хвороста и колотыми корнями деревьев. Огненное шоу – подумал я.

Ещё раз спрашиваю сам себя, откуда я такой – добренький, такой наивный – взялся в этом теле, в этом жестоком Мире?

К столбам люди в белых балахонах привязывают осужденных. Народ бурлит, обсуждая не бесчеловечность происходящего действия, а известные им подробности обвинительных приговоров, подробности опознания этих людей в качестве злодеев, подробности их задержания и пыток для получения чистосердечного признания. И действия самих Чистых – этих белых служек. Посмеиваясь, с предвкушением забавы, ожидая их неловкости и оплошности. Почему-то люди считают, что в Чистые идут не самые сообразительные парни, а самые тупые, самые ленивые, самые никчёмные. Типичные объекты подшучивания.

А вот у меня – холод разливается по телу. Ледяной, липкий ужас. Не могу поверить, что вот так вот – обыденно, более того – празднично – будут сжигать людей – заживо! О, боги! Куда я попал?! Чувствую бессильное отчаяние. Я не

то, что не желаю участвовать в этом, видеть этого – не могу!

Что вы делаете, люди?! Зачем вы добровольно участвуете в этом бесчеловечном ритуале? Да что с вами со всеми?!

Мои спутники удивлены моей реакцией, моими дерганьями, хрипом и стоном, что летят сквозь шарф.

– Немой! Стой! – властно приказывает барыня – Не дёргайся! Да возьми себя в руки, воин!

И меня вышибает из собственного тела. Смотрю на всё равнодушно-спокойно. При этом – отстранённо. И как бы – сверху. Как будто вне собственной головы, поверх собственной шляпы (какая она, оказывается, нелепая, шляпа эта!) И это помогло. Никаких эмоций, никаких переживаний. Чистые, прозрачные, холодно-равнодушные мысли, полная синхронизация потока.

И вижу я всё иначе. Опять вижу энергопотоки. Площадь – как разлитая лужа биоэнергии, зажата холодными стенами зданий. На постаменте – белые коконы. Разных размеров. Это – Чистые. Божьи слуги.

И жертвы. Их коконы – другие. Разные, но – другие.

Разглядывая этих божьих одуванчиков (белые коконы их энергии вызвали именно такую ассоциацию), понял кое-что важное про них, про богов, про магов. И про себя. Открытие было столь глубоким и потрясающим, что я выпал из слежения за происходящим.

Я уже говорил, что вижу людей – не так. Если попадаю в странное состояние сознания. Вижу их био-энергетику. Био-

энергетика магов настолько сильна, что видна – всегда. По крайней мере – мне. По словам Пламени – всем магам. Только вот дело в том, что я – не маг. И эти Чистые – не маги. Хоть как-то на мага тянет только вон тот, что и зачитывает приговор осужденным. Остальные – бездари, как и подавляющее большинство людей на площади. Но их энергетика очень сильна. Их Сила – у каждого разная, конечно, но сравнима с Силой магов.

Смотрю на Пламя. На магов Гильдии, что тоже имеются на этой площади. Вижу их Силу. Её текущее состояние, Мощь – способность одновременно пропустить через себя Силу и выплеснуть её – заклинанием, вижу её максимальный уровень, какой этот маг может выработать и накопить в себе.

Смотрю на Чистых. Вижу Силу. Белую Силу. Её текущее состояние не просматривается, максимальный уровень не просматривается, будто он бесконечен. Мощь – просматривается.

«Это же – посвятившие себя Триединому, – передаёт мне Пламя. – Это – Его Благословение. Они и используют Его Благодать. Если Чистильщик пропустит через себя слишком много Благодати, он погибнет. Святым станет».

Вот это и есть открытие. Можно, оказывается, быть магом, не будучи – Магом.

Этим и отличаются маги от остальных. Маги вырабатывают, накапливают и способны оперировать Силой. Собственной Силой. Служки Бога – заёмной Силой того, кому посвя-

тили себя. Обычные люди – тоже, оказывается, вырабатывают энергию, но мало, а кроме того, не способны ни её накопить в сколько-нибудь значимых объёмах, ни оперировать этой энергией.

Фундаментальное открытие. Самих основ Мироздания.

И про себя. Я – не Маг. Но я делаю вещи – невысказанные! Магические. Причём делаю – не зная, что делаю, как делаю. Потому как заёмная у меня Сила. Если это вообще Сила, а не что-то иное. Чистые – служат Триединому. А я? Кому посвящён я?

Тому, чья метка стоит на мне – Смерти. Один из потоков во мне – Сила Смерти. Я – прислужник Смерти. Вот и всё. Всё просто.

Можно выдохнуть и – успокоиться. Моё место – как раз в ряду приговорённых. Я прислужник Тёмного Бога Смерти. Тёмный.

Как вон тот Тёмный Маг на вязанке дров. Слишком неумелый, чтобы скрыть свою натуру, слишком трусливый, чтобы применять свой Тёмный Дар, слишком слабый, чтобы отбиться от Чистильщиков. Слушаю приговор. Всё верно прочёл самый сильный из Чистых.

Следующий приговор – колдуну и ведьме. Семейная пара, что покупала, а чаще – похищала, людей и приносила их в жертву в тёмных ритуалах. Потому и выглядят на тридцатник, при разменном веке. Однозначно – уроды! Именно такие колдуны, как они, у меня и ассоциируются со словом

«тёмные».

И ещё один колдун – умелец по проклятиям. Его Сила – мерзкая, клубится Тьмой. Чистильщики молодцы, что поймали его.

А вот крайние две жертвы не вызвали у меня такого однозначного одобрения. Парня, которого корёжило на распятии без огня, называли одержимым. И я видел, что в нём быются два разночастотных энергозародыша. Как и у меня. Тоже подселенец. Как и я. А не понял я, зачем сжигать? Надо изгонять одну из лишних сущностей из его тела, раз он сам не может разобраться с дисбалансом в душе. Но приговор гласит, что праведный огонь и Свет Триединого очистят это тело и душу от грязи и всего лишнего и сразу вознесут душу этого страдальца в Круг Перерождений. Не согласен я в выборе инструментария.

А вот девочка вообще страдает ни за что. И вообще – случайная жертва. Она была тиха, безучастна. Потому как была она – проклята.

Не заметив этого, больно стиснул плечо Пламени, подавшись вперёд, отодвигая даже барыню. Знакомое проклятие! А у нас имеется свой аутист. Точно с такими же симптомами. И что теперь – его тоже сожжёте?

Из глаз девочки брызнули слёзы. И от моих костяных пальцев, и от услышанных моих мыслей.

Главарь белобалохонных – Светом из своих ладоней – зажигает сразу весь хворост, сразу подо всеми приговорёнными.

ми.

Крики сгорающих заживо людей, крики торжества родственников и пострадавших от жизнедеятельности сжигаемых, вонь – вновь вышибают меня из... меня. В холодно-равнодушное отстранение. Но недостаточно равнодушное. Ледяное бешенство.

Я не хочу! Чтобы! Девочка! Страдала!

Но я опять что-то сделал не так. Умерла не только девочка. И не только парень, что мужественно боролся с чужой сущностью в себе. Умерли все на костре. И даже – один человек в толпе.

И только когда толпа отшатнулась от упавшего зрителя, к нему бросились Чистильщики. Он слишком откровенно наслаждался мучениями людей, этими страданиями кормил свою чёрную душонку. За это и был наказан. Мною. Урод! Вzbесил меня!

– Немой! – шипит Лилия. Умница! Всё она поняла. И Пламя смотрит на меня огромными глазами.

И теперь глаза Чистильщиков и щупальца белого света шарят по толпе на площади. По наитию – делаю с собой тоже, что и в тот раз – в Скверне. Только вот...

Только вот – всё моя слабая голова – не отслеживает все мои действия. И не контролирует самого же меня. Оказалось, что я так и ходил, с самого Источника Мёртвой Воды – «прозрачный». Говорю же – дурачок! Не проследил сам за собой, за отменой ранее совершённого действия.

Одним словом – совсем я стал прозрачный. Совсем невидимый.

– Встань впритык за мной, ослолюб! – шипит Лилия. – Плотнее!

Это – с удовольствием! Обнимаю барыню, сзади меня притирает Пламя. Так и идём, паровозиком, к выходу. Пад перед нами раздвигает толпу. Быструю проверку Чистильщика прошли легко. Меня он, как и все, впрочем, не увидел. Только вот Пламя меня постоянно тыкает в спину и щиплет – пониже спины. Не верит, что такое возможно. И Лилия – крепко прижала мою ладонь к своей си... груди, будто за сердце держится.

Пока добрались до укрытия – все мокрые, насквозь – от пота. Как только Пад выгнал сиделку и закрыл за ней дверь на засов и на ключ, Лилия как даст мне по шее! И рухнула на постель, зарыдала, крича в подушку разные оскорбления, с уклоном на эпитеты скудоумия и безмозглости.

– У тебя теперь – Метка Тьмы, – сказала Пламя, когда я снял с себя «прозрачность». – У Деда такая же была, когда он лича Зелёной Башни завалил. Тебе нельзя теперь Чистильщикам на глаза попадаться.

«Нам всем этим деятелям на глаза попадаться не надо, – ответил я, снимая с себя и вторую „прозрачность“, что висела на мне со времени гибели Суслика. – Девочку сожгли за то же проклятие, что висит на малыше!»

И я показываю на колыбельку. Пламя – кинулась к бары-

не, тормозит её, захлёбываясь – пересказывает услышанное от меня. Рыдания перешли в истерику. Свежекупленная девочка стоит столбом и пялится на меня, появившегося из воздуха, как коза на новые ворота. Пад сполз спиной по стене, утирает пот, приговаривая:

– Плохо! Всё это – очень плохо! Всё! Очень! Плохо!

Лишь малыш, проснувшись, хмурил лоб, что-то разглядывая прямо перед собой, невидимое никому, кроме него. А потом, придя к какому-то решению, сморщился, открыл рот и – заревел, стремясь догнать в отчаянности крика мать. Лилия тут же вскочила, будто её вытолкнуло что-то из постели, одни прыжком оказалась у колыбельки, выхватила малыша, тут же вывалила из выреза платья грудь, строго велев своему стражнику:

– Отвернись, бесстыдник!

А Пад с огромным удивлением посмотрел на меня. Пожимаю плечами, указываю себе на пах, потом двумя пальцами изображаю ножницы и мотнул головой, типа – не желаешь? Пад замахал руками, засучил ногами, забыв, что сзади – и так – стена.

И его нелепость разрядила обстановку. Я снова напяливаю на себя «прозрачность».

– Ничего нет! – ахнула Пламя. – Будто и не было!

– Фух! – выдохнула Лилия, рухнув на постель Пламени. – Немой, ты меня с ума сведёшь!

– Что-то от всего этого я проголодался, – пыхтя, сказал

Пад, поднимаясь. – Госпожа, дозволю велеть накрыть обед!

Лилия махнула рукой, но уже в спину Пад, что и не ждал её отмашки – сразу начал отпирать засовы, подвинул растерянную сиделку, прикрыв дверь, велел ей:

– Жди, позовут.

А в это время Лилия, строго взглянув на девочку, что мялась, не зная, куда себя деть, стала ей внушать:

– Я тебя приняла в семью – для пригляда за моим сыном и помощью в обиходе нам, с дочерью. Поняла?

Девочка судорожно кивает:

– Всё, что происходит меж нами, всё, что говорится тут – не для чужих ушей. Тебе понятно? Или велеть Немому тебе проткнуть уши и отрезать язык?

– Не стоит, госпожа, мой язык будет надёжно зажат моими зубами! – вдруг затараторила девочка, сложив руки, как при молитве, и часто кланяясь. – А мои уши умеют слышать только то, что обращено прямо ко мне. А глаза мои умеют видеть только то, что нужно. Я не доставлю вам хлопот, добрая госпожа! И не пугайте меня Немым. Я его не боюсь. Он совсем не такой страшный, каким кажется.

Мы втроём переглянулись и как начали ржать! Аж с грохотом ступеней прилетел Пад.

Глава 9

Остаток дня прошёл планово. Лилия готовилась к вечеру, старалась привести себя в надлежащее состояние сознания и духа, а внешность – в надлежащий вид. Девочки тихо, чтобы никого не отвлекать – знакомились, перешёптывались. Помогая барыне всем, чем могли. Малыш, уже привычно – обратно стал изображать фикус на подоконнике – стал растением. Спал, ел да молча лупил глаза в одному ему видимые мультики. Пад – натрескавшись, дремал. Ну а я – всеми силами старался разобраться в себе, освоить все эти вновь поступившие данные. Естественно, впав в медитацию, что извне казалась дремотой.

Видел я, и хорошо видел, взгляды, что с определённой периодичностью барыня бросала на меня. Оценивающие взгляды, взвешивающие. В конце концов, она озвучила свои размышления. Что я как первичный половой признак – штука, безусловно, нужная, изредка – незаменимая, но на людях её демонстрировать постыдно. Потому я остаюсь с Бозой и малышом на хозяйстве. Цепным псом, охранять помещение.

В ответ я пообещал, что буду горько плакать, навзрыд и в голос, что меня не взяли на столь скучное мероприятие по обжиралову, пьянству, на выставку спесивой чванливости. Похоже, к моему юмору стали привыкать – улыбаются. Желаю Лилии успеха в переговорах, сдавая с потрохами её

партнёра по переговорам, сказав, что Волчица испытывает искреннюю симпатию к Лилии, но твёрдо помнит об интересах Дома. Но заинтересовался, через Пламя, что там за история произошла меж её сыном и молодой Волчицей?

– Да мой, дубинушка медноголовая, влюбился в сестру друга, Волчонка, а она – вертихвостка – поиграла, да упорхнула. В чужую постель. Сука она течная, вся в мать! – махнула рукой Лилия и ржёт. – А мальчик мой так страдал, так страдал!

Потом лицо её исказилось сложной гаммой чувств:

– Пока отца младшенького моего не встретил, ненавижу его прямо! – Её лицо исказила гримаса ненависти, потом – сожаления и печали. Лилия вздохнула тяжело:

– Правда, кто отец малыша, сын узнал только после установок Медного Владыки.

Потом махнула рукой.

– Ах! К демонам! Всё это – сложно!

И тут же, с томлением, улыбнулась, мягко и задумчиво.

– Но мальчика моего как подменили. Повзрослел, возмужал. Как я соскучилась! Эта их учёба – пытка для матерей!

Да, вижу, что всё это и правда сложно. Спрашиваю у Пламени, что она-то так рвётся на это сборище? Но у девочки глаза горят восторженностью. Начинает путано и многословно пытаться объяснить, что для неё это очень интересно и волнующе. Высший свет, и всё такое. Тем более что барыня её выдаёт за свою дочь, погибшую от рук наёмных убийц. А

это – принципиально иной статус, другой уровень социализации, принципиально иное отношение благородных к ней, какое дочери сельского кузнеца не видеть, как своих маленьких ушей.

Ушли. Купленная девочка, несколько минут погипнотизировав спящего ребёнка, спросила у меня, можно ли ей помыться. А я тебе что, лекарь? Откуда я знаю – можно тебе или нет? На практике и посмотрим. Звоню в звонок, прибежавшей службе указываю на ванну. Не понимает. Веду его за воротник к ванне, показываю пальцем – сколько должно быть воды, что нужно мыло и полотенца. Опять смотрит тупыми глазами. Пока не замахнулся для затрещины. Сразу понял!

– Монетку он хотел, – вздохнула девочка.

Перетопчется натошак! Показываю девочке, чтобы хозяйничала тут сама, нахожу на постели Пламени сложенные вещи, что девочка приготовила для Козы, отношу ей. Девочка хотела на колени упасть. Ловлю её за руку, дёргаю, мотаю головой. Она побледнела. Больно ей – схватил, не рассчитав степени приложения силы, и не учёл жёсткости своих костяных пальцев Бродяги. Тьфу, напасть! Расстроенный, иду в комнату, пристраиваюсь на лавке, что стоит у стены. Как-то постеснялся я занять женские постели.

Не сразу, но мне удалось войти в то состояние, в каком я оказался на площади. «Вне себя». С видом – как бы со стороны. Мне понравилась лёгкость, с которой думается при

этом. Не то что в этом недоразвитом черепе. А подумать было о чём. Надо было обмыслить не только произошедшее, но и открывшееся.

Завозившийся малыш привлёк к себе внимание. И я опять увидел сложную и тонкую структуру Проклятия на нём. Очень сложную, очень тонкую, крайне запутанную. Попытка влезть в неё, любая попытка снятия Проклятия приведёт к разрушению Проклятия. И было бы это хорошо, но механизм саморазрушения Проклятия подразумевает разрушение биоэнергетической матрицы носителя. Полное уничтожение личности, психики, мгновенная смерть. Боюсь, что и разрушение Души.

И вот теперь я понял, что натворил. Служки Белосветого Бога, уничтожая, пусть и в муках, тело на жертвенном огне – спасали Душу проклятой девочки. А я уничтожил её. Без возможности Перерождения Души. Я хуже этих белобалахонных. Я и есть Проклятие!

Но самобичевание – занятие бесполезное. Да ещё и неприятное. Потому я стал сравнивать структуры Проклятий. И нашёл их тождественность. А потом я захотел узнать, кто проклял девочку? Кто проклял сына Лилии я знаю – зачарованный клинок. Клинок ничего не расскажет. Единственный способ найти мастера Проклятий, который зачаровал клинок – идти по следу Проклятия девочки.

Начинаю распутывать следы девочки. И нахожу её пересечение с другим сожжённым – тёмным колдуном. Ах ты,

сволочь! Убил бы! Ещё раз!

И вдруг, понимаю, что это я же его убил! И его мерзкая душонка – моя! Это душу девочки Проклятие уничтожило, а вот душонка этого колдуна ещё болтается в оперативной доступности. Иди сюда, мерзость!

Сам не заметил, что опять изменил своё состояние. Но не могу его описать. Что-то изменилось. Я уже не в комнате. Нет детей, нет моего тела. Нет ничего, кроме призрачного тумана вокруг, в котором плавают какие-то тени, всё колыхается и пульсирует. Смотрю на себя. И – не узнаю. Да, я призрачный, как призрачный образ самого себя. Но не образ того дурачка, в тело которого я подселён. Руки, ноги, тело – другое. Жаль, не могу взглянуть себе в лицо. Очень уж мне любопытно – кто я? Но в правой руке у меня – призрачный штык. А на нём горит призрачным красным отсветом знак – красная звезда. С перекрещенными кривым ножом и молотком, вписанными в звезду. Станный, но – приятный мне – знак.

А передо мной из тумана соткался образ. Не сразу признал колдуна.

– Ты! – взревел колдун. – Ты – убил меня!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.